

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

18+

МАРТИН ГИЛБЕРТ

Мартин Гилберт

**Вторая мировая
война. Полная история**

«Азбука-Аттикус»

1989

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Гилберт М.

Вторая мировая война. Полная история / М. Гилберт — «Азбука-Аттикус», 1989

ISBN 978-5-389-21361-6

Всемирно известный британский историк Мартин Гилберт создал полную историю Второй мировой войны, показав всю ее сложность и трагизм. В основанном на документальных источниках и свидетельствах очевидцев повествовании о героизме и страданиях, поражениях и победах уделено пристальное внимание маневрам, тактике и стратегии армий, сражавшихся на Западноевропейском, Восточноевропейском, Средиземноморском, Юго-Восточно-Азиатском, Ближневосточном, Тихоокеанском и Африканском театрах военных действий, а также отражены взгляды политиков, военачальников, журналистов, гражданских лиц и простых солдат. В этой книге, представляющей собой одно из первых исторических исследований Второй мировой войны, в котором Холокост описывается как неотъемлемая часть военного конфликта, приводятся свидетельства людей, выживших после оккупации, находившихся в тылу врага и относящихся к национальным меньшинствам. Мартину Гилберту удалось создать объемную панораму одной из самых кровопролитных войн в истории, унесшей более пятидесяти миллионов жизней и бесповоротно изменившей бесчисленное множество других. Впервые на русском – классический труд по истории Второй мировой войны, который неоднократно переиздавался на английском, а также выходил на других языках: китайском, чешском, немецком, итальянском, японском, польском, португальском и испанском. В издании содержатся 102 карты и более 100 черно-белых архивных фотографий. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)"1939/45"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-389-21361-6

© Гилберт М., 1989
© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

1	8
2	20
3	33
4	45
5	59
6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Мартин Гилберт

Вторая мировая война. Полная история

Посвящается Хьюго

MARTIN GILBERT
THE SECOND WORLD WAR
A COMPLETE HISTORY

Martin Gilbert
THE SECOND WORLD WAR
A Complete History

Данное издание опубликовано по согласованию с United Agents LLP и литературным агентством The Van Lear Agency LLC

© Martin Gilbert, 1989
© Martin Gilbert, maps, 1989
© Федюшин В. В., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
КоЛибри®

* * *

Авторитетный труд по истории Второй мировой войны, основанный на документальном материале и показывающий, что не было такого уголка земного шара, который бы не затронула эта крупнейшая из когда-либо происходивших войн.

The New York Times

Самое мощное достоинство этой книги заключается в том, что в ней нацизм безапелляционно показан абсолютным злом.

The Sunday Telegraph

Повествование наполнено деталями, взятыми из дневников, мемуаров и официальных документов. Здесь искусно переплетены сводки военных действий и свидетельства страданий гражданского населения.

Newsweek

В грандиозном рассказе о самом разрушительном конфликте в истории объясняются цели основных военных кампаний, взаимосвязи между ними и их влияние как на солдат, так и на гражданских лиц. Военный аспект освещается с особой ясностью, при этом наиболее впечатляющим становится представление Второй мировой войны прежде всего как организованного зла и массового безумия, смертельного вируса, возникшего в Берлине и Токио, который заражал жертв в глобальном масштабе.

Publishers Weekly

Наряду с работой Гилберта о Первой мировой войне этой классической книге найдется место на каждой книжной полке.

Northern Echo

Великое достижение сэра Мартина Гилберта – его способность не упускать из виду личность в истории массовых войн и массовых страданий.

Contemporary Review

1

Вторжение Германии в Польшу

СЕНТЯБРЬ 1939 г.

Вторая мировая война стала одним из самых разрушительных конфликтов в истории человечества; погибло свыше 55 миллионов солдат и гражданских лиц, многие из них – при жутких обстоятельствах. За 2174 дня войны, между нападением Германии на Польшу в сентябре 1939 г. и капитуляцией Японии в сентябре 1945 г., имена и лица подавляющего большинства тех, кто был убит в бою или в тылу, были знакомы лишь немногим, кто знал и любил их. Во многих случаях, число которых, возможно, тоже достигает миллионов, даже те, кто мог бы вспомнить жертву годы спустя, тоже погибли. Были уничтожены не только 55 миллионов, но и вся динамичная жизнь и средства к существованию, которые они унаследовали и могли бы передать потомкам: работа и радость, борьба и созидательность, обучение, надежды и счастье.

На страницах этой книги встречаются миллионы жертв этой войны. Многие из них известны поименно, но еще горше наследие безвестных мужчин, женщин и детей. На этих страницах есть место и мужеству: солдат, моряков и пилотов, партизан и бойцов Сопротивления, мужеству всех тех, кто голодным, нагим, без сил и оружия был послан на смерть.

Кто стал первой жертвой войны, которая унесла 46 миллионов жизней? Это был безымянный узник одного из концлагерей Адольфа Гитлера – вероятнее всего, обычный преступник. Чтобы представить Германию невинной жертвой польской агрессии, гестаповцы переодели его в польскую униформу, перевезли в немецкий приграничный город Глейвиц и застрелили 31 августа 1939 г., подделав странное «польское нападение» на местную радиостанцию. На следующее утро, когда немецкие войска начали продвижение вглубь Польши, Гитлер в качестве одной из причин вторжения назвал «нападение регулярных польских сил на передатчик в Глейвице».

В честь шефа СС, который помог спланировать обман в Глейвице, операции присвоили кодовое имя «Гиммлер». Тем же вечером 31 августа Советский Союз одержал победу в сражении с японцами на советско-монгольской границе, где советские войска под командованием комкора Жукова окончательно подавили сопротивление 6-й японской армии при Халхин-Голе. Как только закончилась одна война, началась другая, которая вошла в историю как Вторая мировая.

Немецкое вторжение в Польшу 1 сентября 1939 г. не повторяло тактику Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тогда пехотинцы приближались друг к другу, пока не упрулись в линию окопов, и затем предпринимали серию атак против хорошо укрепленного противника. Методом Гитлера был блицкриг – «молниеносная война». Сначала воздушные атаки без предупреждения уничтожили на земле значительную часть военно-воздушных сил обороняющейся стороны. Затем бомбардировщики ударили по дорогам и железнодорожным коммуникациям, пунктам сбора, складам боеприпасов и гражданским центрам защищающихся, вызвав смятение и панику. Далее пикирующие бомбардировщики выискивали маршевые колонны и подвергали их беспрестанной бомбежке, одновременно поливая пулеметным огнем гражданских беженцев, которые пытались бежать от приближающихся солдат, что вызвало хаос на дорогах и еще более усложнило дальнейшее движение обороняющихся.

Одновременно с воздушным развивался сухопутный блицкриг: сначала – в виде волны моторизованной пехоты, легких танков и артиллерии на механической тяге, продвигающихся вперед, насколько это возможно. Затем вглубь сельской местности, в обход городов и укрепленных пунктов, должны были проникнуть тяжелые танки. Когда был нанесен тяжелый урон и пройдена значительная территория, зону, на которую уже проникли немецкие войска, должна

была занята пехота, поддержанная артиллерией: ей следовало разобраться с остающимся сопротивлением и соединиться с механизированными частями первоначального удара.

Через 24 часа после нападения Германии на Польшу официальное коммюнике польского правительства сообщало, что в воздушных рейдах на Варшаву, Гданьск и несколько других городов погибло 130 поляков. «Были сбиты два немецких бомбардировщика и задержаны четыре удивительным образом спасшихся оккупанта, – сообщало коммюнике, – когда в пятницу вечером над восточной частью Варшавы появился строй из 42 немецких самолетов. Люди наблюдали за захватывающим воздушным боем над центром города. Несколько зданий охватила пожар, был разбомблен и рухнул госпиталь для умственно отсталых еврейских детей».

Вторжение Германии в Польшу, сентябрь 1939 г.

Утром 2 сентября немецкие самолеты бомбили железнодорожную станцию в городе Коло¹. На станции стоял поезд с гражданскими беженцами, которые эвакуировались из приграничных городов Яроцина и Кротошина; 11 из них погибли.

Цель гитлеровского нападения на Польшу заключалась не только в том, чтобы вернуть территории, утраченные в 1918 г. Фюрер также намеревался установить над Польшей германскую власть. Для этого он приказал трем полкам дивизии СС «Мертвая голова» следовать за пехотой и осуществить в немецком тылу меры для поддержания «правопорядка и безопасности». Командир дивизии «Мертвая голова» Теодор Эйке объяснил суть этих мер своим офицерам, собравшимся в первый день войны на одной из их баз, в концентрационном лагере Заксенхаузен. Для защиты гитлеровского рейха, сказал Эйке, СС должны будут «брать под стражу и уничтожать» любого врага нацизма – задача, сопоставимая с «абсолютной и непреклонной жестокостью», которой полки «Мертвой головы» обучились в концлагерях.

Эти слова, полные дурных предзнаменований, скоро претворились в действия; в течение недели после вторжения Германии в Польшу почти 24 000 офицеров и солдат полков «Мертвой головы» были готовы приступить к своим задачам. На борту одного из вагонов, который вез немецких военнослужащих на восток, кто-то написал белой краской: «Мы едем в Польшу бить евреев». Жертвами этой войны за линией фронта стали не только евреи, но и поляки. Два дня спустя после того, как Эйке проинструктировал полки «Мертвой головы», Генрих Гиммлер информировал обергруппенфюрера СС Удо фон Войрша, что ему следует осуществить «радикальное подавление зарождающегося польского мятежа в только что оккупированных областях Верхней Силезии». Слово «радикальное» было эвфемизмом «безжалостному».

Дотла сжигались целые деревни. В Трусколясах 3 сентября немцы окружили и расстреляли пятьдесят пять польских крестьян, среди которых был двухлетний ребенок. В Верушове двадцати евреям приказали собраться на рыночной площади; среди них был 46-летний Израиль Леви. Когда его дочь, Либе Леви, бросилась к отцу, немец за «неосторожность» приказал ей открыть рот и выстрелил туда. Либе Леви упала замертво. Затем двадцать евреев были казнены.

В последующие недели подобные жестокости стали обычным делом, происходящим повсеместно и в беспрецедентном масштабе. Пока солдаты сражались, в тылу гражданские лица становились жертвами массовых убийств.

Вечером 3 сентября немецкие бомбардировщики атаковали беззащитный польский город Сулеюв, население которого насчитывало до войны 6500 поляков и польских евреев и увеличилось еще на 3000 беженцев. Спустя мгновения центр городка пылал. Когда тысячи людей устремились в поисках безопасного укрытия в близлежащие рощи, немецкие самолеты на бреющем полете открыли пулеметный огонь. «Пока мы бежали к лесу, – вспоминал один маленький мальчик, Бен Хельфготт, – люди падали, люди горели. Той ночью небо было красным от горящего города».

3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. «Ближайшей целью немецкого верховного командования, – сказал Гитлер своим командирам, – остается быстрое и победоносное завершение операций против Польши». В девять часов вечера того же дня немецкая субмарина U-30 под командованием Юлиуса Лемпа торпедировала британский пассажирский лайнер «Атения», приняв его за вооруженный корабль. «Атения» отплыла в Монреаль из Ливерпуля до объявления Британией войны, имея на борту 1103 пассажира. Из 112 пассажиров, которые погибли той ночью, 28 были гражданами США, но президент США Франклин Рузвельт подчеркнул в радиообращении к американскому народу: «Пусть ни один мужчина, ни одна женщина не говорят бездумно или ошибочно о том, чтобы Америка отпра-

¹ Во время немецкой оккупации, в 1940–1945 гг., назывался Вартбрюккен. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

вила свои армии на поля Европы. В настоящий момент готовится объявление нейтралитета со стороны Америки».

Уверенный в быстрой победе Гитлер вечером 3 сентября покинул Берлин в специальном поезде «Америка», в котором ему предстояло прожить следующие две недели, наблюдая за эпизодами своего первого военного триумфа и принимая поздравления. Тем временем британское правительство начало сброс антинацистских пропагандистских листовок над Германией в рамках своего плана «Западный ветер – 14». Ночью 3 сентября десять самолетов понесли 13 тонн листовок через Северное море и немецкие границы, чтобы сбросить их над Руром; шесть миллионов листов, которые говорили немцам: «Ваши правители обрекли вас на бойни, нищету и лишения войны, которую они не могут и надеяться выиграть».

Первый налет британских бомбардировщиков на Германию случился 4 сентября, когда немецкие войска продолжали продвигаться вглубь Польши под прикрытием господства своих военно-воздушных сил. В этот день десять бомбардировщиков «Бленхейм» атаковали немецкие корабли и военно-морские сооружения в Вильгельмсхафене. Они не причинили кораблям серьезного ущерба, но пять самолетов были сбиты огнем немецких зенитных орудий. В числе погибших британцев был лейтенант авиации Х. Б. Лайтоллер, отец которого Чарльз был старшим по званию британским офицером, выжившим при гибели «Титаника» накануне Первой мировой войны.

Новости о рейде против немецких кораблей подняли боевой дух Британии. «Мы даже могли различить белье, которое висело на веревках», – рассказал слушателям Британского радио первый лейтенант, который руководил атакой. «Когда мы пролетали над судном, – добавил он, – то видели, как экипаж бежит к боевым позициям. Мы сбросили бомбы. Второй пилот, который летел сзади, заметил два попадания». Первый лейтенант и пилот-разведчик были награждены Крестом летных заслуг.

Британским пилотам было приказано не подвергать опасности жизни немецких гражданских лиц. На данном этапе войны такие приказы не только казались правильными с нравственной точки зрения, но и вполне выполнимыми. Немецкие командиры их не отдавали. «Повсюду началась жестокая партизанская война, – писал 4 сентября немецкий генеральный квартирмейстер Эдуард Вагнер, – и мы безжалостно выжигаем ее. Мы не будем договариваться. Мы уже назначили чрезвычайные трибуналы, и они постоянно работают. Чем сильнее мы ударим, тем скорее вновь наступит мир». Удары сыпались как с суши, так и с воздуха. В Быдгоще 4 сентября были убиты свыше тысячи поляков, в том числе несколько десятков подростков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. Их выстроили у стены на рыночной площади и расстреляли. При входе в Пётркув 5 сентября немцы подожгли десятки домов евреев, а затем застрелили тех, кто пытался сбежать из горящих зданий. Войдя в строение, которое избежало огня, солдаты вывели шесть евреев и приказали им бежать; пятерых они застрелили, а шестой, Бунем Лебель, умер позднее от ран.

В ту неделю в Польше горело много городов; тысячи поляков погибли в огне или были застрелены при попытке сбежать. Одновременно бушевали две войны: одна – на фронте, между вооруженными людьми, вторая – в городах и селах далеко в тылу. Дикая и всеохватная война началась и на море. В тот же день, 5 сентября, немецкие подводные лодки потопили пять беззащитных торговых судов – четыре британских и одно французское. Британцы не стали медлить с ответом: легкий крейсер «Аякс», находившийся на боевом дежурстве, потопил два немецких торговых судна «в соответствии с правилами войны», как проинформировал своих коллег по военному кабинету первый лорд Адмиралтейства Британии Уинстон Черчилль. Торговые корабли не смогли остановиться по приказу.

Каждый день, продвигаясь все глубже в Польшу, немцы игнорировали и попирали правила ведения войны. 6 сентября в полях у польской деревни Мроча они после упорного сопротивления немецкому танковому подразделению расстреляли девятнадцать сдавшихся поль-

ских офицеров. Остальных польских военнопленных заперли в хижине железнодорожного служащего, которую затем подожгли. Все пленники сгорели заживо. Таким образом, военнопленные не знали, будут ли применены к ним правила ведения войны, изложенные в ряде Женевских конвенций: правила, по которым действовали нацисты, полностью противоречили тем, что были разработаны за предыдущее столетие.

Евреи считали, что завоеватель, который объявил их главной своей жертвой, обрушит на них самые ужасные зверства. В речи, произнесенной в Берлине за семь месяцев до начала войны, Гитлер заявил, что если она разразится, то ее результатом станет не большевизация Земли, а уничтожение евреев в Европе. Шесть дней войны уже показали, что убийства евреев суть неотъемлемая часть немецкого завоевания. Старейший деятель сионистского движения доктор Хаим Вейцман с вызовом написал британскому премьер-министру Невиллу Чемберлену, что евреи будут сражаться на стороне демократий против нацистской Германии; его письмо было опубликовано в газете *The Times* 6 сентября. В тот же день машина везла Гитлера от его специального поезда к месту сражения под Тухолей, где находился в окружении польский корпус. Когда он осматривал поле боя, до него дошло известие, что немецкие войска вошли в город Краков на юге Польши.

Война шла первую неделю. Краков, население которого превышало 250 000 человек, находился под контролем немцев. На следующий день, 7 сентября, шеф эсэсовцев Рейнхард Гейдрих сказал командирам специальных сил СС Эйке, которым следовало двигаться за идущими вперед солдатами: «Польский правящий класс необходимо как можно скорее лишить возможности причинять вред. Оставшиеся низшие классы не получают специального образования, но следует так или иначе не допускать их возвышения». Эйке лично направлял работу подразделений СС из штабного поезда Гитлера, и именно в поезде 7 сентября Гитлер сказал главнокомандующему сухопутными силами генералу фон Браухичу, что армии следует «выдержаться от вмешательства» в операции СС. Эти операции проводились непрерывно. День спустя после разговора Гитлера с фон Браухичем батальон СС казнил 33 польских гражданских лица в деревне Ксёнжки; вскоре такие казни стали происходить ежедневно.

Окружение Гитлера быстро поняло, что он имел в виду. 9 сентября полковник Эдуард Вагнер обсуждал будущее Польши с начальником Генерального штаба гитлеровской армии генералом Гальдером. «Намерение фюрера и Геринга, – записал Вагнер в дневнике, – заключается в том, чтобы разрушить и искоренить польскую нацию. О большем на бумаге нельзя и заикнуться».

У Британии и Франции было немного возможностей для военных действий, которые помогли бы Польше сколь-нибудь существенным образом². 7 сентября французские военные соединения пересекли немецкую границу в трех пунктах близ Саарлуиса, Саарбрюккена и Цвайбрюккена. Однако никаких серьезных вооруженных столкновений не произошло. На Западном фронте было тихо. В Лондоне специально созданный Комитет сухопутных сил военного кабинета обсуждал масштабы грядущих военных действий со стороны Британии. На первой встрече 7 сентября первый лорд Адмиралтейства Черчилль предложил создать к марту 1940 г. армию из 20 дивизий. «Мы должны занять свое место в строю, – сказал он, – если хотим уберечь альянс и выиграть в войне». На следующий день в отчете Комитет сухопутных сил указал в качестве основы для британского военного планирования, что война продлится «по меньшей мере три года». Первые 20 дивизий следовало создать в течение следующих двенадцати месяцев, еще 35 – к концу 1941 г. Тем временем главный упор Британия неизбежно должна была сделать на оборону: 7 сентября вышли в море два конвоя торговых кораблей

² У Великобритании и Франции не было желания помогать Польше: французская армия фактически бездействовала, а англичане ограничились показательными налетами на военно-морские базы Германии.

в сопровождении эсминцев: один – из устья Темзы через Ла-Манш в Атлантику, второй – в Атлантику из Ливерпуля.

В тот же день последние защитники пытались сдержать продвижение немцев близ промышленного города Лодзь на западе Польши. Их противник, боевые части СС, видели, как тем вечером в Пабьянице «поляки начали еще одну контратаку. Они наступали по телам погибших товарищей. Они не наклоняли голов, как делают люди под сильным дождем, – а большинство наступающих пехотинцев идет именно так, – но шли, высоко держа головы, словно пловцы, борющиеся с волнами. Они не дрогнули».

Не недостаток храбрости, а огромное превосходство немецкой артиллерийской мощи заставило защитников к сумеркам сдаться. Пабьянице было потеряно. Дорога на Лодзь оказалась открытой.

Те, кто возражал против эксцессов нацизма внутри Германии, были в равной степени критично настроены против нападения на Польшу, но угроза заключения в концентрационные лагеря была мощным сдерживающим фактором, ограничивающим публичную критику. До войны от тирании сбежали тысячи немцев. Когда же началась война, побег стал практически невозможен, так как границы рейха оказались закрыты, а на передвижения и коммуникации стали налагаться все более строгие ограничения. Шесть месяцев, которые прошли со времени немецкой оккупации Богемии и Моравии в марте 1939 г., позволили распространить систему гестапо на аннексированные регионы. Две некогда независимые европейские столицы, Вена и Прага, оказались под строгим немецким контролем; вся критика здесь каралась, а независимость духа подавлялась. С началом войны аресты противников режима не ослабли; записи гестапо от 9 сентября показывают, что 630 чешских политических узников были отправлены на поезде из Богемии в концентрационный лагерь Дахау, к северу от Мюнхена. Лишь немногие из них пережили тяжелые условия труда и жестокое обращение.

Теперь солдаты и гражданские лица оказались в ловушке из-за стремительного продвижения немцев в Польше. В секторе Познани оказались окруженными девятнадцать польских дивизий; в последующем сражении на реке Бзуре в плен попали 170 000 польских солдат.

В тылу продолжались зверства. В Бендзине 8 сентября несколько сотен евреев загнали в синагогу, которую затем подожгли. Двести евреев сгорели заживо. На следующий день немцы цинично обвинили в этом преступлении поляков, взяли заложников и расстреляли тридцать из них на одной из главных площадей города. 10 сентября генерал Гальдер записал в дневнике, что группа эсэсовцев заставила пятьдесят евреев работать весь день на починке моста, а затем загнала их в синагогу и расстреляла. «Теперь мы выпускаем свирепые приказы, которые я сам и составил, – записал в дневнике полковник Вагнер 11 сентября. – Нет ничего лучше смертного приговора! Никак иначе на оккупированных территориях!»

Одним из очевидцев убийств гражданских лиц был адмирал Канарис, начальник секретной службы разведки немецких вооруженных сил. 10 сентября он поехал к линии фронта, чтобы наблюдать за немецкой армией в действии. Куда бы он ни направился, везде служащие его разведки докладывали ему об «оргии резни». Польских гражданских лиц заставляли рыть братские могилы, выстраивали на их краю и скашивали пулеметным огнем. 12 сентября Канарис отправился в штабной поезд Гитлера, а затем – в Ильнау в Верхней Силезии, чтобы выразить протест. Первым он увидел генерала Вильгельма Кейтеля, начальника штаба верховного командования вооруженных сил. «Я располагаю информацией, – сказал Канарис Кейтелю, – что в Польше планируются массовые казни и что к истреблению назначены представители польского дворянства, а также епископы и священники католической церкви».

Кейтель стал убеждать Канариса оставить этот вопрос. «Если бы я был на вашем месте, – произнес он, – я бы не лез в это дело. Решение о проведении его принял сам фюрер». Кейтель добавил, что начиная с этого момента у командования каждой немецкой армии в Польше будет гражданский начальник наряду с военным. Гражданские должны были заниматься тем,

что Кейтель назвал программой «расового истребления». Несколько мгновений спустя Канарис увидел Гитлера, но ничего ему не сказал. Потрясенный всем, что услышал, он вернулся в Берлин; его лояльность фюреру сильно ослабла. Бывший мэр Лейпцига и один из противников Гитлера с 1933 г., Карл Гёрделер, сказал товарищу, который также был против нацизма, что Канарис возвратился из Польши «совершенно разбитым» «бесчеловечным поведением» Германии на войне.

То, что Кейтель называл программой «расового истребления», ее разработчики именовали по-другому. 13 сентября, день спустя после визита Канариса в поезд Гитлера, айнзац-группа III, сформированная из Бранденбургского полка дивизии СС «Мертвая голова», начала проводить «меры по дезинфекции и установлению безопасности». По ее отчетам, в их число входили аресты и расстрелы большого числа «подозрительных элементов, грабителей, евреев и поляков», многие из которых были убиты «при попытке к бегству». Всего за две недели айнзацгруппа оставила позади себя кровавый след более чем в тринадцати польских городах и селах.

Теперь бои сосредоточились вокруг Варшавы, которую яростно бомбили немецкие бомбардировщики. Один из пунктов, по которым Канарис выражал протест Кейтелю, заключался в «разорении» польской столицы. 14 сентября бомбардировка была особенно жестокой. Для 393 000 варшавских евреев, составлявших треть городского населения, то был священный и обыкновенно счастливый день – еврейский Новый год. «Как только синагоги заполнились людьми, – отметил польский очевидец в дневнике, – Налевки, еврейский квартал Варшавы, были атакованы с воздуха. Бомбардировка оказалась кровопролитной». В этот день немецкие войска вошли в южный польский город Перемышль на реке Сан, 17 000 жителей которого, одна треть населения, были евреями. Сорок три наиболее видных горожанина-еврея были тут же арестованы, жестоко избиты и застрелены. Среди них был Асшер Гиттер, сын которого, как и множество других сыновей польских евреев, эмигрировал в Соединенные Штаты, надеясь, что когда-нибудь отец к нему присоединится. В тот же день пять евреев и два поляка были расстреляны в городе Серадзе. В Ченстохове немецкая гражданская администрация приказала передать всю промышленную и торговую собственность евреев «арийцам» вне зависимости от того, бежал ее владелец из города или остался. В Пётркуве был издан декрет, запрещавший евреям находиться на улицах после пяти часов вечера; двадцатисемилетний Гетцель Френкель, возвращавшийся домой на пять минут позднее установленного времени, был застрелен за нарушение приказа.

Упорно сражавшаяся польская армия под бомбежками отступала в Восточную Польшу. Один польский офицер вспоминал, как восточнее Перемышля 14 сентября после того, как его пехотная дивизия отступила через реку Сан, самолеты «налетали на нас с небольшими интервалами. Нигде не было укрытия; повсюду одна лишь проклятая равнина. Солдаты бросались прочь с дороги, пытаясь найти укрытие в канавах, но лошади были в еще более бедственном положении. После одного налета мы насчитали 35 мертвых лошадей». Этот марш на восток, писал офицер, «не походил на марш армии; скорее это было шествие какого-то библейского народа, гонимого вперед гневом небес и исчезающего в пустыне». На следующее утро в Ярославе Гитлер лично наблюдал за тем, как неотступно преследующие поляков немецкие силы пересекали реку Сан.

Когда польская армия была дезорганизована, гитлеровские генералы предложили фюреру принудить окруженную Варшаву к сдаче голодом, но Гитлер отверг идею длительной и даже короткой осады. Он настаивал, что польская столица – это крепость, и к подчинению ее следует принудить бомбардировками.

Польская армия, пытавшаяся сбежать от немецкого военного давления и воздушных атак, надеялась перегруппироваться в восточных областях страны, особенно во Львове – глав-

ном городе Восточной Галиции. Однако ранним утром 17 сентября эти чаяния были перечеркнуты. Незвестный полякам и даже генералам Гитлера, секретный протокол к советско-германскому Пакту о ненападении 23 августа 1939 г. провел по Польше демаркационную линию, земли к востоку от которой мог взять под свой контроль Советский Союз. 17 сентября председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в заявлении, сделанном в Москве, объявил, что польское правительство перестало существовать. В результате, сказал он, советским войскам было приказано занять Восточную Польшу. У поляков, которые так отчаянно пытались защититься от немецкой бойни, не осталось средств к эффективному сопротивлению.

Теперь к демаркационной линии продвигались две советские армейские группы. За сто километров до нее они встретили немецкие войска, которые немалой ценой пробивались в восточные области Польши. Немцы отступили, передав советским войскам польских солдат, взятых ими в плен. Во Львове именно советский генерал приказал польским войскам сложить оружие³. Они так и сделали, после чего были окружены Красной армией и отправлены в плен. Тысячи поляков были захвачены наступающими советскими силами. Другие поляки сдались им во избежание риска попасть в руки немцев. В Варшаве продолжался бой, и непрерывные бомбардировки приносили тяжелые потери среди гражданского населения. Той же ночью в Атлантическом океане британцы потерпели первую морскую катастрофу: гибель 518 моряков на борту авианосца «Корейджес», торпедированного у юго-западного побережья Ирландии немецкой подлодкой U-29 под командованием лейтенанта Шухарта. Командующий подводным флотом Германии адмирал Дёниц отметил в дневнике этот «восхитительный успех». Для Черчилля, первого лорда Адмиралтейства, гибель корабля стала страшным напоминанием об опасностях морской войны, ибо в годы Первой мировой войны Уинстон уже видел, сколь сильно немецкие субмарины могут подорвать снабжение Великобритании провиантом и ресурсами.

В Британии судьба Польши внушала беспокойство тем, кто видел, что два западных союзника не способны предпринять какие-либо серьезные контрмеры. «Бедолаги! – писал один англичанин другу в Америку 18 сентября. – Они великолепные бойцы, и я думаю, все мы здесь боремся с тяжелым чувством, что, раз они наши союзники, мы должны любой ценой нанести такие тяжелые удары на Западном фронте, чтобы отвлечь немцев. Я думаю, что мы не сделали этого до сих пор, потому что ни у нас, ни у Франции недостаточно машин».

Немцы были уверены, что британцы и французы не помешают их неизбежной победе. 18 сентября британские радиослушатели впервые услышали гнусавый голос Уильяма Джойса, который быстро получил прозвище Лорд Хо-Хо. Он обратился к своим соотечественникам из Берлина, убеждая их, что война проиграна, всего месяц спустя после того, как он получил новый британский паспорт. Чуть севернее Берлина, в концентрационном лагере Заксенхаузен, 18 сентября в ответ на храбрые протесты против дурного обращения с заключенными был жестоко избит Лотар Эрдман – выдающийся немецкий журналист, до 1933 г. бывший профсоюзным активистом. Он получил тяжелые повреждения внутренних органов, от которых в тот же день скончался.

Защитники Варшавы отказались подчиниться немецкой силе. Польский доктор, в составе одной группы искавший 18 сентября лекарства, нашел немного медикаментов на складе, который уже находился под немецким обстрелом. В подвале был и немецкий шпион – мужчина, который жил в Польше на протяжении последних 12 лет. Его поймали с миниатюрным пере-

³ В то время в РККА не было звания «генерал». Описанные события происходили 19–20 сентября. См.: Мельтохов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. Часть третья. Сентябрь 1939 года. Война с запада. М.: Вече, 2001. С. 303–325.

датчиком: он отправлял сообщения в штаб немецких сил, осаждавших город. «После кратких формальностей, – отметил доктор, – его отправили на тот свет “с приветом Гинденбургу”».

К 19 сентября Варшава находилась под артиллерийским обстрелом десять дней подряд. В результате воздушных и артиллерийских атак погибло так много поляков, что в кладбища пришлось превращать городские парки. Польские силы упорно пытались удержать городской периметр. Несколько немецких танков, слишком далеко забравшиеся в пригороды, были выведены из строя. Германских солдат, приближавшихся слишком близко, поляки брали в плен, но бомбардировки продолжались непрерывно. «Этим утром, – записал полицейский начальник в дневнике 19 сентября, – немецкий бомбардировщик сбросил бомбу, она попала в дом неподалеку от моего участка, который я превратил во временную тюрьму приблизительно для 90 немцев, захваченных в боях прошлой ночью. 27 из них погибли».

Пока Варшава истекала кровью под бомбежками, во Франции высадились первые британские войска – армейский корпус. Однако перед ними не стояла задача как-либо действовать. Западный фронт оставался целиком оборонительным, тихим и пассивным. Тем временем к северу от Варшавы Гитлер триумфально вошел в свободный город Данциг, отторгнутый от Германии по настоянию держав-победительниц в итоге Первой мировой войны. Встречавшая его толпа пребывала в истерическом ликовании. «Так было везде, – сказал главный адъютант Гитлера Рудольф Шмундт одному новичку при штабе фюрера, – в Рейнской области, в Вене, в Судетах и в Мемеле. Вы еще сомневаетесь в миссии фюрера?»

В речи перед жителями Данцига 19 сентября Гитлер говорил о «всемогущем Боге, который теперь дал благословение... [немецкому] оружию». Озвучил он и загадочное и зловещее для Британии и Франции предупреждение: «Очень скоро может наступить момент, когда мы используем оружие, которым нас атаковать не смогут».

Из Данцига Гитлер отправился в гостиницу в курортном городке Сопот. Здесь перед группой лиц, в состав которой входили его личный врач доктор Карл Брандт, начальник канцелярии руководителя партии Филипп Боулер и имперский руководитель здравоохранения доктор Леонардо Конти, фюрер изложил свои планы умерщвления психически неполноценных внутри самой Германии. Следовало поддерживать чистоту немецкой крови. Конти выразил сомнения в наличии, с медицинской точки зрения, научной базы, которая указывала бы, что эвтаназия может привести к каким-либо евгеническим результатам. Всерьез разговор велся только о наиболее быстром и наименее болезненном методе убийства. Подписав приказ 1 сентября, Гитлер предоставил Боулеру и Брандту «полную ответственность за увеличение полномочий определенных докторов, чтобы они могли наградить милосердной смертью тех, кто неизлечимо болен согласно всем человеческим стандартам после самого тщательного критического обследования их здоровья».

Оперативным центром программы эвтаназии стал дом № 4 по Тиргартенштрассе в пригороде Берлина. Именно его адрес дал название самой программе, известной как «Т-4». Главой ее стал тридцатисемилетний Вернер Хайде – профессор неврологии и психиатрии Вюрцбургского университета, который вступил в партию нацистов на волне ее политического триумфа в 1933 г. С этого времени началось прочесывание психических лечебниц в поисках тех, кого можно было удостоить «милосердной смерти». Один из нацистских экспертов по эвтаназии, доктор Пфанмюллер, высказался следующим образом: «Я не могу вынести мысль о том, что наша молодежь должна терять жизнь на фронте для того, чтобы слабоумные и асоциальные элементы могли безопасно существовать в больнице».

С первых дней операции «Т-4» основное внимание уделялось маленьким и особенно новорожденным детям. В Гёрдене близ Бранденбурга государственное педиатрическое учреждение создало специальное психиатрическое детское отделение, куда поступали и где уничтожались дети со всей Германии. Работавший там доктор вспоминал позднее, что одной из

их целей было «усыпить новорожденных как можно скорее», чтобы избежать установления «тесных связей между матерями и детьми».

Началась программа эвтаназии. Немцев, признанных безумными, умерщвляли в Гёрдене и шести других учреждениях по всей Германии. В первые два года войны таким образом погибли десятки тысяч человек – жертвы извращения медицинской науки.

В Польше силы специального назначения СС продолжали убивать евреев в городах, которые оказывались под контролем Германии. 20 сентября оперативный отдел 14-й немецкой армии сообщал, что в войсках растёт беспокойство «из-за в большинстве своем незаконных действий», предпринимаемых на занятой армией территории специальными силами под командованием генерала фон Войрша. Солдаты были особенно недовольны тем, что эсэсовцы фон Войрша, вместо того чтобы сражаться на фронте, «вынуждены демонстрировать свою храбрость перед беззащитными гражданскими». Фельдмаршал фон Рундштедт немедленно заявил, что более не потерпит нахождения в зоне боевых действий специальных сил СС фон Войрша, и потребовал прекращения антиеврейских мероприятий, которые уже начались в районе Катовице.

Кризис, возникший в отношениях между профессиональными военными и эсэсовцами, разрешить было нельзя. Теперь подготавливались куда более масштабные планы. 21 сентября Рейнхард Гейдрих созвал командиров всех частей СС в Польше на экстренное совещание в Берлин. Офицеры, которые не смогли присутствовать, получили по итогам дискуссии секретные записки. В них говорилось, что «конечная цель» политики Германии в отношении евреев должна храниться в «строгой тайне», а ее достижение займет «продолжительное время». Вместе с тем в качестве предварительного требования для выполнения «конечной цели» следовало сконцентрировать евреев в ряде крупных городов. Евреев, живших вне этих городов, и в особенности евреев Западной Польши, надлежало туда депортировать. Западная Польша должна быть «полностью очищена от евреев». Все сельскохозяйственные земли, принадлежавшие евреям, следовало у них изъять и «поручить заботе» местных немцев или даже польских крестьян. Депортированных в города евреев предполагалось запереть в одном конкретном квартале, запретив им появляться в других частях города. Своевременное исполнение приказов немцев относительно передвижения евреев предполагалось возложить в каждом городе на совет еврейских старшин. В случае «саботирования таких инструкций» советам грозили «самые строгие меры».

План Гейдриха по возрождению в XX в. средневекового понятия гетто замыслился лишь в качестве первого шага в направлении того, что он и его коллеги по СС называли «окончательным решением еврейского вопроса». Этот план, однако, не привел к прекращению айнзацгруппами убийств, которые уже вызвали протесты вермахта. 22 сентября, на следующий день после совещания с Гейдрихом, III айнзацгруппа прибыла во Влоцлавек; «еврейская акция» продлилась там четыре дня. Были ограблены еврейские магазины, взорваны синагоги города, десятки наиболее видных евреев схвачены и расстреляны. Даже не дожидаясь окончания этой акции, Эйке приказал командиру группы отправить два батальона в Быдгощ (Бромберг), чтобы провести там еще одну «акцию» против польских интеллектуалов и муниципальных руководителей. В результате этого приказа 23 и 24 сентября, меньше трех недель спустя после первых массовых неизбирательных убийств, в городе были расстреляны 800 поляков.

На первый день возобновления убийств поляков в Быдгоще пришелся самый священный день еврейского календаря – Йом Кипур. Чтобы показать свое презрение как к евреям, так и к полякам, немецкие оккупационные власти в Пётркуве приказали нескольким сотням польских военнопленных, среди которых было немало евреев, войти в синагогу и запретили им пользоваться уборными, вынудив испражняться прямо в здании. Затем им выдали молитвенные платки, шторы ковчега и изысканно расшитые орнаментальные чехлы свитка Торы, приказав убрать экскременты этими священными предметами.

В день исполнения этого отвратительного ребяческого приказа другое распоряжение, посланное из Берлина на все боевые корабли, привело к интенсификации войны на море. То был приказ командования, которое требовало топить или захватывать любое британское или французское торговое судно, которое использует радио, будучи остановлено субмариной.

Теперь демаркационная линия, установленная Риббентропом и Молотовым за месяц до этого, разделяла немецкие и советские войска. Поляки отказывались сдаться только в Варшаве, небольшом городе Модлин к северу от Вислы и на полуострове Хель близ Данцига. «Беспощадная бомбардировка продолжается», – записал в дневнике польский офицер в Варшаве 25 сентября. «Пока угрозы немцев не материализовались. Варшавяне гордятся тем, что не позволили себя запугать». Они были на грани голода. «Сегодня на улице я видел характерную сцену, – добавляет офицер. – Снаряд поразил и убил лошадь. Через час, когда я возвращался, от нее оставался только скелет. Жившие неподалеку люди срезали все мясо».

25 сентября немцы начали операцию «Берег» – воздушную атаку на Варшаву силами четырехсот бомбардировщиков, пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков при поддержке тридцати трехмоторных транспортных самолетов. Последние, сбросив на польскую столицу 72 тонны зажигательных бомб, вызвали особенно сильные пожары, разрушения и гибель людей. Ядвига Соснковская, жена польского офицера, впоследствии бежавшая на Запад, год спустя вспоминала «ту ужасную ночь», когда она пыталась помочь в одной из больниц города. «На столе, за которым я ассистировала, одна трагедия сменяла другую. Одной из жертв была девочка шестнадцати лет. У нее была великолепная копна золотистых волос, лицо ее было нежно как цветок, а красивые сапфирово-синие глаза были полны слез. Обе ее ноги до колен превратились в кровавое месиво, в котором плоть невозможно было отделить от кости; обе пришлось ампутировать выше колен. Прежде чем хирург начал операцию, я склонилась над этим невинным ребенком, поцеловала ее в бледный лоб и положила свою беспомощную руку на ее золотистую голову. Утром она тихо умерла, словно цветок, сорванный безжалостной рукой».

Той же ночью, вспоминает Ядвига Соснковская, «на том же самом сосновом столе под скальпелем хирурга умерла молодая беременная женщина лет девятнадцати от роду, внутренности которой были вывернуты наизнанку взрывом бомбы. До родов ей оставалось всего несколько дней. Мы так и не узнали, кто был ее мужем и из какой семьи она происходила. Эту неизвестную женщину похоронили в братской могиле вместе с погибшими солдатами».

Стойкость варшавян подходила к концу. Даже решимость 140 000 солдат более не могла ее поддерживать. Начали ходить безумные слухи – последнее прибежище отчаявшихся. Говорили, что какой-то польский генерал движется с Востока во главе советских войск. Другие утверждали, что видели, как советские аэропланы, на которых изображены серп и молот, сошлись в бою с немецкими самолетами над городом. На самом деле на советские самолеты наносились пятиконечные звезды, а не серп и молот. Впрочем, на такие детали никто не обращал внимания, и слухи о скором спасении распространялись.

Однако неизбежно было не спасение, а возобновление штурма немецкой армии. Утром 26 сентября генерал фон Браухич отдал 8-й армии вермахта приказ о наступлении. Тем вечером командир польского гарнизона запросил перемирия, но фон Браухич отказал. Он был готов принять только полную капитуляцию. Город продолжал сражаться. В тот же самый день на конференции, проведенной в Берлине в строжайшей секретности, немецкие ученые обсуждали, как можно использовать энергию расщепления атомного ядра. Им было ясно, что возможным его результатом может быть мощный взрыв. Следовало сделать «урановую печь», дистиллировать большой объем тяжелой воды, что требовало существенных трат. Военное министерство Германии, восхищенное вероятностью создания оружия, обладающего решающей мощностью, согласилось финансировать необходимые сложные эксперименты. Для них оказались доступны любые нужные средства.

В два часа дня 27 сентября Варшава пала; 140 000 польских солдат, более 36 000 из которых были ранены, сдались в плен. На протяжении следующих трех дней немецкая армия не делала попыток войти в город. «Они боятся, – писал польский офицер в дневнике, – запустить своих солдат в город без света и воды, полный больных, раненых и мертвых».

Умерли сотни раненых польских солдат и гражданских лиц, которые могли бы быть спасены, если бы им оказали медицинскую помощь. Это не входило в планы немцев. Ко дню сдачи Варшавы Гейдрих смог с видимым удовлетворением доложить: «На оккупированных территориях от польских высших классов в наличии остается максимум 3 %». Слова опять маскировали реальность: «в наличии» здесь означает «в живых». Многие тысячи, а возможно, и десятки тысяч польских учителей, докторов, священников, землевладельцев, предпринимателей и местных чиновников были схвачены и убиты. Даже названия некоторых мест, где их содержали, пытали и убивали, стали синонимом страданий и смерти: Штуттгоф близ Данцига, Смукала у Быдгоща, жировой завод в Торунь, VII форт Познань, лагерь Зольдау в Восточной Пруссии. В церковном диоцезе Западной Польши были арестованы две трети из 690 священников, 214 из них расстреляны. Польша стала первой жертвой нового варварства войны внутри войны – неравного боя военных победителей и гражданских пленников.

2

Разгромленная Польша

ОКТАБРЬ 1939 г.

Лондон и Париж были потрясены падением Варшавы. Англичане и французы глубоко сочувствовали судьбе поляков. Они удивились скорости немецкого наступления, в то же время чувствуя стыд за то, что не помогли или не могли помочь Польше сопротивляться этому вторжению, но еще сильнее испытывая страх, что специалисты «молниеносной войны» обратят свое оружие и тактику против Запада. В Британии этот страх усиливался подозрениями, что немецкие агенты должны были просочиться во многие сферы британской жизни, чтобы информировать Германию о военных приготовлениях и саботировать британскую военную промышленность.

Британская публика, однако, не знала, что почти все немецкие агенты, за исключением очень немногих, были арестованы в самом начале войны, что осталось тайным и невоспетым триумфом британской разведки. Немцы об этом не знали. То было не единственное их поражение в тайном мире шпионажа. 28 сентября 1939 г., на следующий день после падения Варшавы, абвер угодил в странную ловушку. В тот день уроженец Уэльса Артур Оуэнс, которого немецкая разведка считала одним из своих агентов, перебрался из Британии в Нидерланды, чтобы установить контакт со своим немецким начальством; на самом деле он работал на Британию. Шефы из британской разведки дали Оуэнсу кодовое имя «Сноу». Ему удалось убедить немцев, что он создал серьезную сеть агентов Германии в Уэльсе. Теперь он просил инструкций и денег. Ему дали то и другое, и он возвратился в Британию. Так началось то, что британские связисты окрестили в духе кодовых названий шпионажа военного времени системой двойного надувательства, или ХХ. Она должна была полностью обмануть немцев. Через две недели Оуэнс вернулся в Голландию с новым мнимым членом сети немецкой разведки. Это был Гвайлим Уильямс, отставной полицейский инспектор из Суонси, прежде активный участник уэльского национального движения. Немцев вновь удалось провести. Они не только поручили Уильямсу, получившему у них кодовое обозначение агент А-3551, ряд саботажных миссий – позднее он убедил немцев, что выполнил их, – а также дали ему адрес одного из очень немногих настоящих немецких агентов в Британии, которого не вычислила британская разведка. Это был агент А-3725, который теперь присоединился к системе ХХ под именем «Чарли». К концу года эта ложная шпионская организация почти ежедневно посылала радиосообщения немецкой разведке в Гамбург, набирала новых фиктивных агентов и готовила бутафорскую схему саботажа – План Гая Фокса⁴, предполагавший отравление резервуаров в Уэльсе, которые обеспечивали водой заводы, производившие самолеты и боеприпасы в промышленно развитом регионе Мидлендс.

Когда Артур Оуэнс находился с миссией двойного обмана в Голландии, Иоахим фон Риббентроп ехал в Москву. Там в ходе двухдневных переговоров он согласился от лица Германии забрать всю Польшу к западу от реки Вислы, где находились наиболее населенные и промышленно развитые области страны, и признал советскую власть над Восточной Польшей и (таково было требование Советского Союза) Литвой. Договор, претворивший в жизнь новый раздел Польши, был подписан в пять часов утра 29 сентября.

Под властью Германии оказались 22 миллиона поляков. 29 сентября, когда Риббентроп вернулся в Берлин, Советский Союз подписал Пакт о взаимопомощи с маленьким балтийским государством Эстонией, который давал право СССР занять эстонские военно-морские базы

⁴ Имя Гая Фокса план получил по главному участнику Порохового заговора против короля Якова I в 1605 г.

в Нарве, Палдиски, Хаапсалу и Пярну. Через шесть дней подобный договор был заключен с Латвией, а еще через одиннадцать – с Литвой. Вполне естественно, что Гитлер тоже не хотел оставлять восточную границу своего тысячелетнего рейха беззащитной. В секретной директиве № 5 от 30 сентября он отдал распоряжение «постоянно укреплять и превращать в линию военной защиты, обращенную на Восток», польские приграничные земли, а также отметил, что «гарнизоны, необходимые для этой цели, в конечном счете будут двинуты за политические пределы рейха».

Та же директива от 30 сентября увеличивала и масштабы немецкой активности на Западе. «Войну на море», приказал Гитлер, надлежало проводить «против Франции в той же мере, что и против Англии». С этого времени транспортные и торговые суда, «несомненно определенные как враждебные», допускалось атаковать без предупреждения. Это положение распространялось и на суда, плывущие без огней в британских территориальных водах. Кроме того, торговые суда, которые использовали радио, будучи остановленными, также следовало топить. Атаки на такие коммерческие суда, заметил Генштаб немецкого флота в тот день, «в журнале боевых действий следует объяснять путаницей с военным кораблем или вспомогательным крейсером».

Раздел Польши, октябрь 1939 г.

Британские торговые суда стали топить во все большем масштабе. В день подписания гитлеровской директивы немецкий «карманный линкор»⁵ «Адмирал граф Шпее» пустил ко дну британское торговое судно «Клемент», доведя потери торгового флота союзников менее чем за месяц войны до 185 000 тонн.

30 сентября польский генерал Владислав Сикорский возглавил в Париже польское правительство в изгнании. В то время Варшава, как и на протяжении предыдущих трех дней, ждала входа немецкой армии. «Без погребения лежало много трупов, – вспоминала Ядвига Соснковская, – не было воды и лекарств. Это были горестные дни, но у меня в памяти они навсегда останутся днями величайшей солидарности и братской отзывчивости всего общества». Дело было не только в желании совершать хорошие поступки; «океан доброты исходил из людских сердец, жаждущих спасти, помочь, утешить. Стены города рухнули, но варшавяне не стали на колени и не преклонили головы».

1 октября немецкая армия приготовилась занять Варшаву. Перед этим она потребовала предоставить ей двенадцать заложников – десять христиан и двух евреев, которые должны были бы своей жизнью ответить за любые инциденты, которые могли произойти при продвижении армии. Войдя в город, немцы разбили полевые кухни и начали раздачу голодному населению бесплатного супа и хлеба. Тысячи людей стали стекаться к кухням. Немецкие операторы установили камеры и записали, как немецкие войска кормят голодных поляков. Когда фильм сняли, кухни исчезли вместе с операторами.

В тот же день пришлось сдать последним польским солдатам, сражавшимся на полуострове Хель. Трем польским эсминцам и трем подводным лодкам удалось скрыться от немецкой морской блокады и направиться к британским портам. Война на Востоке закончилась; немцы захватили в плен свыше 694 000 польских солдат, в руках советских войск находилось 217 000. Более 60 000 польских военнослужащих пали в бою; за три недели воздушных и артиллерийских обстрелов, особенно в Варшаве, погибло 25 000 гражданских лиц. Немецкие силы, несмотря на тактику «молниеносной войны», потеряли в боях с упорным противником 14 000 человек.

Ночью 1 октября британские бомбардировщики пролетели над Берлином. Они сбросили не бомбы, а листовки, в которых рассказывали немецкому населению, что в то время, как его гонят на войну «на голодных пайках», немецкие вожди держат огромные суммы денег на секретных заграничных счетах. Даже Гиммлер, «который, словно рысь, следит, чтобы ни один немец не провез через границу больше десяти марок, сам вывез 527 500 марок» (по данным листовки). За первый месяц войны было напечатано 97 миллионов листовок, и 31 миллион уже сбросили. Популярный в то время анекдот рассказывал о пилоте, которого укоряли за то, что он сбросил целую пачку связанных в кирпич листовок: «Боже правый, ты же можешь кого-нибудь убить!» Скепсис публики относительно эффективности листовок привел к тому, что порядка 39 миллионов из них отправили в макулатуру вместо того, чтобы сбросить немцам. Критики называли сброс листовок не настоящей войной, а «войной конфетти». Тем не менее она продолжалась.

В Польше, оказавшейся под немецкой оккупацией, шла жестокая война. Гитлер подписал секретную амнистию, по которой на свободу из мест заключения были отпущены эсэсовцы, арестованные армейским командованием за жестокое обращение с гражданским населением. На следующий день он прилетел в Варшаву, где принял парад победы. Возвратившись на аэродром, он сказал иностранным журналистам: «Хорошенько присмотритесь к Варшаве. Вот как я могу поступить с любым европейским городом».

⁵ Британское ироническое обозначение немецких тяжелых крейсеров класса «Дойчланд».

Фотографии ущерба от бомбардировок Варшавы были растиражированы в газетах по всему миру, и вопрос о том, не ждут ли Лондон и Париж такие же разрушения, не остался без внимания. Ведь сам Гитлер заявил в Берлине 6 октября: «Зачем вести войну на Западе? Для восстановления независимости Польши? Польши Версальского договора больше никогда не будет». Однако, кроме Польши, разве есть другие причины для войны? Все важные проблемы можно решить за столом переговоров. Так думал фюрер.

Предложение Гитлера было адресовано Британии и Франции; Польша из него исключалась. На Востоке на повестке дня стоял только террор. 8 октября, через два дня после умиротворительных слов Гитлера в Берлине, подразделение СС забрало на еврейское кладбище группу более чем из двадцати поляков, в том числе нескольких детей от двух до восьми лет. Всех их расстреляли. За казнью наблюдали около 150 немецких солдат. Трое подали протест офицеру медицинской службы. Он тут же в ярости написал прямиком Гитлеру. Вскоре после этого фюрер получил еще один протест против подобных экзекуций, на этот раз от генерала Бласковица. Его доклад Гитлеру показал его армейский адъютант капитан Герхард Энгель. «Известие о нем он воспринял поначалу спокойно, – замечает Энгель, – но затем началась очередная длинная тирада о злоупотреблении “ребяческими идеями”, господствующими среди военного руководства: нельзя победить в войне методами Армии спасения⁶».

8 октября Гитлер подписал декрет о присоединении прибрежных областей Польши к Силезии и Восточной Пруссии и о создании на польской территории трех укрупненных территориальных единиц Германского рейха (рейхсгау): Восточная Пруссия, Данциг – Западная Пруссия и Позен. Через четыре дня на оставшейся территории Польши, включая Варшаву, было создано генерал-губернаторство со столицей в Кракове. Варшава была низведена с положения столицы до провинциального города. Гитлер назначил генерал-губернатором юридического советника нацистской партии доктора Ганса Франка. В его задачи входило «восстановление» общественного порядка. Сам Франк описывал их куда более открыто. «С Польшей следует обращаться как с колонией, – писал он. – Поляки станут рабами великого Германского рейха».

9 октября Гитлер принял в Берлине шведского предпринимателя Биргера Далеруса, который летал между Берлином и Лондоном через Швецию с предложением, исходившим изначально от Геринга, обсудить мирное соглашение между Британией и Германией. 5 октября в Лондоне Далерус увиделся с министром иностранных дел лордом Галифаксом; 9 октября в Берлине он сообщил Гитлеру, что Британия настаивает на восстановлении польской государственности, немедленном уничтожении всего наступательного вооружения и проведении в Германии плебисцита по некоторым вопросам гитлеровской внешней политики. На следующий день, 10 октября, Гитлер дважды встречался с Далерусом, а затем попросил его передать Британии германские условия: их территориальным аспектом было право Германии закрепить на ее новой границе с СССР и возвращение ей колоний, которые она имела до Первой мировой войны, или «подходящих равноценных территорий». Между двумя встречами с Далерусом Гитлер выпустил новую директиву для генерала Кейтеля, главы штаба вооруженных сил Германии, и для командиров армии, флота и военно-воздушных сил. Директива излагала план «Гельб» («Желтый»), как обозначалось наступление против Франции и Британии.

Директива Гитлера от 9 октября содержала подробные детали наступления, которое следовало повести «максимально крупными силами» через Люксембург, Бельгию и Нидерланды. Цель этого северного наступления состояла в том, чтобы «разгромить, насколько это будет возможно», французскую армию и «одновременно занять как можно больше территорий Нидерландов, Бельгии и Северной Франции, чтобы они стали базой для успешного продолжения

⁶ Армия спасения – евангелистская организация, созданная в Лондоне Уильямом Буттом в 1865 г. Распространяет идеи Евангелия через проповеди и благотворительность.

воздушной и морской войны против Англии». Наступление должно было создать «широкую защитную зону» для экономически необходимого Рура.

Слова «Война против Англии» звучали пугающе. По-другому пугающими были формуляры, разосланные в тот же день Филиппом Боулером, главой партийной канцелярии Гитлера, всем больницам и докторам, в которых их просили, якобы для целей статистики, перечислить всех престарелых, невменяемых или ненемецких пациентов. Три судебно-медицинских эксперта на тайном заседании должны были решить, кому из пациентов жить, а кому – умереть. Глава личной канцелярии Гитлера Ганс Ламмерс хотел, чтобы процедура была кодифицирована как часть немецкого права. От этого Гитлер отказался. Теперь убийства психически нездоровых пациентов начались не только в центрах эвтаназии. В оккупированной Польше, в Пяснице неподалеку от Данцига, к концу года были убиты несколько тысяч так называемых умственно отсталых людей. Наряду с поляками и евреями в Пяснице погибли 2000 немцев; их отправили сюда из психиатрических учреждений Германии.

Утром 10 октября Гитлер принял семерых наиболее высокопоставленных военных командиров в канцелярии – том самом здании, из которого в предыдущий день были разосланы формуляры об эвтаназии. С командирами он говорил о причинах войны на Западе, зачитав написанный им меморандум, в котором объявлял целью Германии «уничтожение мощи и способности западных держав когда-либо воспротивиться государственной консолидации и дальнейшему развитию немецкого народа в Европе».

Время было не на стороне Германии. «Никакой договор или пакт, – предупредил Гитлер, – не обеспечит наверняка длительного нейтралитета Советской России». Сейчас требовалась «незамедлительная демонстрация германской мощи». План следовало составить немедленно. Атаку нельзя начать «слишком рано». Ее нужно «начать при любых обстоятельствах этой осенью».

С момента, когда немецкие ученые, встретившись в Германии, информировали военное руководство о возможности использования энергии расщепления атомного ядра для создания бомбы огромного разрушительного действия, прошло пятнадцать дней. Тем временем в Соединенных Штатах американский экономист и друг Альберта Эйнштейна добивался частной встречи с Рузвельтом. Александр Сакс принес с собой письмо от Эйнштейна, содержание которого объяснил президенту. Атомная энергия позволит человеку «взорвать своего соседа» в масштабе невиданном и невообразимом.

Третий рейх, ноябрь 1939 г.

«Это требует действий», – отозвался Рузвельт. Десять дней спустя в Вашингтоне состоялась первая встреча совещательного комитета по урану. Америка активно искала новую силу. Эйнштейн, которому как еврею пришлось бежать из Германии в 1933 г., указал путь к разработке революционного оружия войны, но на его создание уйдет более пяти лет. Тем временем ощущалась разрушительная сила имевшегося оружия. Вечером 13 октября немецкая субмарина U-47 под командованием Гюнтера Приена проникла через британскую оборону в заливе Скапа-Флоу, а утром 14 октября тремя торпедами потопила боевой корабль «Роял Оук», стоявший на якоре; 833 моряка утонули.

Через два дня после потопления «Роял Оук» два немецких бомбардировщика летели над восточным побережьем Шотландии. Их сбили истребители. Трое из восьми летчиков утонули. Британские летчики-истребители впервые уничтожили вражеское воздушное судно над родиной. Месяц спустя над Францией молодой новозеландец старший лейтенант Эдгар Джеймс Кейн сбил немецкий бомбардировщик на рекордной для того времени высоте выше восьми километров. Однако подобные успехи не могли затмить трагедию «Роял Оук».

В Польше немцы не переставали добиваться своих целей. 16 октября всем полякам было приказано покинуть порт и город Гдыню. Подобных массовых выселений из городов не было нигде на территориях, аннексированных Германией. Изгнанным полякам пришлось искать дом в разрушенной войной Польше, в областях, уже страдавших от острой нехватки продовольствия. Кроме того, они могли взять с собой лишь столько еды, сколько помещалось в чемоданы или узлы. Им пришлось оставить дома, главное их богатство, а для многих – единственный источник существования. Продолжались и казни, зачастую – в сопровождении извращенных физических и психических пыток. 17 октября гестапо арестовало и обвинило в незаконном владении оружием ксендза, приходского священника Павловского из волости Хоч. Во время

обыска в его доме обнаружили две патронные гильзы – все, что осталось у него от довоенной страсти, охоты на куропаток. Затем Павловского сильно избили, обезобразив его лицо до неузнаваемости. Его привезли к расстрельному столбу на главной площади близлежащего города Калиш. Там гестаповцы заставили местных евреев привязать его к столбу, развязать после расстрела, целовать ему ноги и похоронить на еврейском кладбище.

В тот же самый день, 17 октября, совет министров по обороне издал декрет, который предоставлял полевым частям СС судебную независимость от немецкой армии. С этого момента солдаты СС представляли более не перед военно-полевыми судами вермахта, а перед собственным начальством. 17 октября армия утратила административный контроль над Польшей. На совещании в канцелярии, на котором присутствовали Гиммлер и Кейтель, Гитлер объявил, что управление Польшей отныне находится в руках Ганса Франка, заведующего областью генерал-губернаторства, Альберта Форстера в Данциге – Западной Пруссии и Артура Грейзера в Позене. Задачей этих высокопоставленных членов нацистской партии было не допустить в будущем какого-либо возвышения Польши. Она должна стать такой бедной, чтобы поляки хотели работать в Германии. За десять лет Данциг – Западная Пруссия и Позен должны были превратиться в «цветущие очищенные германские провинции».

Тем же вечером генерал Кейтель говорил об этих планах с полковником армии, бывшим в канцелярии. «Методы, которые придется применить, – сказал Кейтель, – будут несовместимы со всеми нашими имеющимися принципами». Эти принципы отбрасывались повсеместно. 18 октября Гитлер направил Кейтелю директиву № 7 о поведении на войне, разрешив подводным лодкам атаковать пассажирские суда «под конвоем или передвигающиеся без огней».

На Востоке началось массовое принудительное переселение народов. В восточных областях Польши, присоединенных к СССР, изумленных немцев, чьи предки поселились там столетия назад, отправили через новую советско-германскую границу в Западную Польшу. Евреев, предки которых столь же долго жили в чехословацком, а теперь немецком городе Острава, грузили в товарные вагоны и депортировали в генерал-губернаторство. Там их сгружали восточнее Люблина в специальном «еврейском гетто». Вскоре к ним присоединились евреи из балтийских портов, Вены и даже евреи, схваченные в доках Гамбурга в ожидании судов в Соединенные Штаты. Другие евреи, особенно жители Хелма, Пултуска и Острова, бежали из оккупированной немцами Польши на восток, на советскую сторону реки Буг. Здесь они, к своему удивлению, встречали польских евреев, бежавших на запад от опасностей коммунистической власти в надежде на то, что немецкая власть окажется менее тяжелой, как было в Первую мировую войну.

Когда Советский Союз внезапно стал господствующей силой в Прибалтике, балтийские немцы, которые могли проследить свою родословную здесь на протяжении многих столетий, с некоторым удивлением обнаружили, что именно они получают выгоду от сложившегося положения дел. Первые балтийские немцы приехали в Данциг из Эстонии 20 октября. Через два дня немцы начали депортировать поляков из Познани (Позен) – крупнейшего города Западной Польши, в котором проживало свыше четверти миллиона поляков. Десятилетие создания «очищенных германских провинций» началось.

Мир ждал от Гитлера следующего шага, не зная, ударит он снова или нет. Некоторые увидели в его мирном предложении 6 октября хороший знак. Других насторожил один содержащийся в нем пассаж: «Решит судьба. Верно одно: в ходе истории никогда не было двух победителей, но очень часто имелись двое проигравших». В секретной речи перед высшими чиновниками нацистской партии 21 октября Гитлер заверил сторонников, что, поставив Британию и Францию на колени, он обратит внимание на Восток и покажет, «кто здесь хозяин». Совет-

ские солдаты, сказал он, плохо обучены и вооружены. Когда он разберется с Востоком, «он примется за восстановление Германии, какой она была прежде».

В оккупированной Польше уже устанавливался новый порядок. 25 октября в первой официальной газете генерал-губернаторства Ганс Франк объявил, что отныне все евреи мужского пола от четырнадцати до шестидесяти лет «обязаны работать» на контролируемых государством трудовых проектах. Некоторые вынуждены были каждый день бригадами отправляться за город на выполнение работ. Других забирали в специальные трудовые лагеря, устроенные вблизи отдаленных объектов. К концу года в Люблинском воеводстве были устроены 28 таких рабочих лагерей, в Келецком воеводстве – 21, 14 близ Варшавы, 12 у Кракова и 10 – у Жешува. Условия содержания в этих лагерях были ужасными, но скудное жалование, которое платили трудившимся в них, позволяло выжить многим евреям. Они не имели иных средств к существованию после изгнания из своих городов и сел, где прожили всю жизнь.

Типичным для нового порядка в Польше было объявление, размещенное на улицах Торуни 27 октября главой местного отделения государственной полиции. Его 10 пунктов содержали инструкции для польских граждан, которые должны были изменить свое «дерзкое поведение». Всем полякам предписывалось «освободить тротуары» для немцев. «Улицы принадлежат победителям, а не побежденным». В магазинах и на рынке представителей немецких властей и местных этнических немцев следовало обслуживать вне очереди. «Побежденные следуют за ними». Поляки мужского пола должны были снимать шляпу перед «важными лицами государства, партии и вооруженных сил». Полякам запрещалось использовать нацистское приветствие. «Любой, кто посмеет рассердить или заговорить с немецкими женщинами и девушками, будет примерно наказан. Польские женщины, которые заговорят или рассердят немцев, будут отправлены в бордели». Серьезность этих правил становилась очевидной в последнем абзаце: «Поляки, которые не поймут, что они побежденные, а мы победители, и нарушат изложенные выше правила, будут подвергнуты самому жесткому наказанию».

Теперь поляки стали покоренным народом. Однако с точки зрения нацистской идеологии завоевать их было недостаточно. На основе ложного представления об этническом превосходстве «арийцев» намеревались создать новую расу. 28 октября Гиммлер издал для СС специальный «приказ о деторождении», который гласил: «Отныне величайшей задачей немецких девушек и женщин с хорошей кровью становится рождение детей от солдат, отправляющихся на войну... не из легкомыслия, а во имя высшего нравственного долга». Чтобы удостовериться, что создание расы «сверхлюдей» проходит систематически, Гиммлер создал организацию «Источник жизни» («Лебенсборн»), в помещениях которой юные девушки, отобранные за свои якобы совершенные «нордические» черты, могли бы производить потомство от эсэсовцев. Затем за их детьми должны были ухаживать в родильных домах, где им полагались особые льготы.

Выведение «расы господ» и истребление «низшей расы» шли рука об руку. Однако обращение с «низшей расой» принимало формы, неприемлемые для многих офицеров немецкой армии. В протесте против такого обращения, направленном в канцелярию Гитлера, генерал Бласковиц описал один инцидент, случившийся 30 октября в польском городе Турек, где группу евреев «собрали в синагоге и заставили петть и ползать вдоль скамей, в то время как эсэсовцы постоянно били их плетью. Затем их заставили снять нижнее белье, чтобы продолжить избиение по голым ягодицам. Одного еврея, который в страхе испачкал трусы, вынудили размазать его экскременты по лицам других евреев».

Никто не знал, какое будущее ожидает этих евреев. «Над всеми врагами германского господства, – заявлял в тот же день один берлинский журнал, – возвышаются те, кто требует нашего окружения, старейшие враги немецкого народа и всякой здоровой, восходящей нации – евреи».

Через неделю после публикации этой статьи и приезда Геббельса в Лодзь немцы начали изгнание всех 40 000 евреев, которые жили в областях Польши, ныне аннексированных Германией. Большинство семей заставили покинуть дома на следующее утро, оставив свое имущество, магазины и предприятия и все, что у них было, за исключением того, что они могли положить в тачку или упаковать в чемодан. Все депортированные были отправлены в генерал-губернаторство.

3 ноября гестапо решило судьбу шестидесяти девяти польских учителей в городе Рыпине. Их арестовали и расстреляли – одних в школах, других – в соседних рощах.

28 октября немецкий бомбардировщик, выполнявший разведывательную миссию, был сбит над Шотландией близ деревни Хамби. Это был первый немецкий самолет, упавший на британскую землю. Два члена его экипажа, Готтлиб Ковальке и Бруно Рейманн, погибли, еще два – капитан Рольф Нихофф и пилот Лемкюль – попали в плен. Оба они провели следующие шесть лет в качестве военнопленных сначала в Британии, а затем – в Канаде.

На Западе полным ходом шли приготовления к отражению возможного немецкого нападения. 27 октября выдающийся канадский военный, бригадир Х. Д. Г. Крирар, прибыл в Британию, чтобы создать зародыш штаба вооруженных сил Канады в Лондоне. 3 ноября в Вашингтоне по настоянию президента Рузвельта Конгресс аннулировал положение Акта о нейтралитете, которое с 1937 г. запрещало поставки американского оружия и выдачу кредитов для его покупки воюющим странам. Теперь эти ограничения на закупку оружия Великобританией и Францией ушли в прошлое, и в Вашингтоне начала работу англо-французская закупочная комиссия. Главой ее стал родившийся в Британии канадский промышленник Артур Первис, который в начале Первой мировой войны был отправлен из Британии в США для закупки всего доступного ацетона, нехватка которого тогда серьезно мешала производству взрывчатых веществ. Возвращение Первиса в Америку стало важным этапом в поиске Англией и Францией вооружения и боеприпасов для отражения военного натиска Германии.

5 ноября, через два дня после отмены эмбарго Вашингтоном, Гитлер, жестоко обругав генерала фон Браухича за «пораженческое» настроение верховного командования немецкой армии, назначил нападение на Францию, Бельгию и Голландию на 12 ноября. Два дня спустя, однако, Гитлер, дал отсрочку. Доводы, которые изложил ему фон Браухич в канцелярии и которые привели его в такое бешенство, не следовало игнорировать. Армия не была готова к наступлению. Влажная зима мешала продвижению танков и ограничивала светлое время суток, в течение которого могли летать немецкие военно-воздушные силы. Наиболее существенным оказался довод, что люфтваффе требовалось пять дней хорошей погоды подряд, чтобы разгромить ВВС Франции, – важнейший элемент успеха «молниеносной войны». Однако метеорологические сводки от 7 ноября были слишком неблагоприятными.

По иронии судьбы, Британия и Франция узнали о дате 12 ноября от двух разных источников. Первым был генерал Остер, второе лицо в разведке адмирала Канариса, который 7 ноября выдал дату датскому военному атташе в Берлине, полковнику Якобусу Сасу. Вторым источником был Пауль Тюммель, тоже член ведомства военной разведки Канариса и агент А-54, который передал ту же информацию западной разведке через чехословацкое правительство в изгнании в Лондоне. Тюммель снабжал чехословацкую разведку германскими военными планами с 1936 г. Ни одна военная машина не имела столь высокопоставленных шпионов в своем руководящем ядре.

Гитлер с легкостью мог отсрочить дату начала войны и делал это несколько раз, но германский новый порядок в Польше не терпел отлагательства. 5 ноября, в день, когда Гитлер решил пойти в наступление на западе, все 167 профессоров и лекторов Краковского университета были схвачены гестапо и отправлены в концлагерь Заксенхаузен к северу от Берлина. Там 17 из них умерли из-за пыток. Среди погибших были профессор Игнаций Хржановский,

выдающийся историк польской литературы, профессор Михаил Седлецкий, ведущий зоолог и бывший ректор Вильнюсского университета, и профессор Станислав Эстрейхер, профессор западноевропейского права, который до этого отказался от предложения немцев стать президентом марионеточного Польского протектората. Всем троим было за семьдесят.

Гитлер, отложив наступление на западе, 8 ноября поехал из Берлина в Мюнхен, чтобы отпраздновать шестнадцатую годовщину «пивного путча», когда он повел нацистов в неудачный марш для захвата власти в баварской столице. В эту годовщину его речь сводилась к обвинениям Великобритании в «зависти и ненависти» к Германии. При правлении нацистов, заявил Гитлер, Германия за шесть лет достигла большего, чем Британия – за века.

Гитлер покинул пивную раньше, чем планировалось, чтобы вернуться в Берлин и обсудить с генералами новую дату наступления на западе. Через восемь минут после того, как он вышел, в колонне прямо за тем местом, где он говорил, взорвалась бомба. Погибли семь человек, более шестидесяти получили ранения. Гитлер был уже в поезде на Берлин, когда его достигло известие о взрыве. «Теперь я совершенно удовлетворен, – заявил он. – Тот факт, что я ушел из пивной раньше, чем обычно, подтверждает намерение Провидения позволить мне достичь моих целей».

Несостоявшегося убийцу поймали тем же вечером в Констанце при попытке пересечь границу с Швейцарией. Им оказался Иоганн Георг Эльзер, тридцатишестилетний часовщик, которого незадолго до этого отпустили из концлагеря Дахау близ Мюнхена, где его держали как сочувствующего коммунистам. Теперь его отправили в Заксенхаузен как «особого узника Гитлера».

В мюнхенском католическом соборе местный архиепископ кардинал Михаэль фон Фаульхабер отпраздновал «чудесное спасение» Гитлера от убийства торжественной мессой. 9 ноября, вскоре после возвращения в Берлин, Гитлер мог отпраздновать куда более прозаическое чудо – похищение агентами СС двух агентов британской разведки в Нидерландах, которых переправили через нидерландско-германскую границу в Венло. План похищения осуществил двадцативосьмилетний Альфред Науйокс, который до этого устроил лживое «польское нападение» на радиостанцию Глейвица перед немецко-польской войной. Цель инцидента в Венло, помимо получения максимально возможных сведений о техниках и планах британской разведки, состояла в том, чтобы дать Германии предлог вторгнуться в Нидерланды на том основании, что они пренебрегли своим нейтралитетом, позволив двум британским агентам действовать на своей территории.

Гитлер оценил значение эффектного похищения и наградил одного из его организаторов, Гельмута Кнохена, Железным крестом 1-го и 2-го класса. Кнохен, специалист по немецкой эмигрантской прессе во Франции, Бельгии и Голландии, защитил докторскую диссертацию по английской литературе в Гёттингенском университете. Два британских агента, капитан Бест и майор Стивенс, были заключены сначала в Заксенхаузен, а затем в Дахау. Офицер нидерландской разведки, который вместе с ними пересек границу, Дирк Клоп, был ранен и схвачен; позднее в тот же день он скончался от ран в Дюссельдорфе.

В концлагере Бухенвальд 9 ноября казнили 21 еврея – всех их прежде заставляли работать в местных каменоломнях. Самому молодому, Вальтеру Абушу, было семнадцать лет; самому пожилому, Теодору Криссхаберу – пятьдесят пять.

На 11 ноября пришелся польский День независимости. За два дня до этого в Лодзи немцы схватили на улице нескольких евреев и приказали им повалить памятник польскому герою Костюшко. Евреи были старые, памятник – крепкий; даже ружейные приклады не могли ускорить работу. Тогда монумент взорвали динамитом. Сам польский День независимости немцы отпраздновали маршем по брусчатке. В тот же день, когда-то бывший для поляков столь радостным, немцы забрали из трудового лагеря близ Гдыни в тюремный дворик в городе Вей-

херово 350 поляков. Здесь им приказали вырыть ряд глубоких ям. Их разделили на группы; первую подвели к краю и расстреляли, а остальные были вынуждены на это смотреть. Когда каждая группа подходила к краю ямы и падала под выстрелами, они кричали: «Да здравствует Польша!»

По всей оккупированной Германией Польше подобные зверства становились обыденными. 9 ноября группу польских офицеров, а теперь военнопленных провели с поднятыми руками по улицам курорта Цехоцинек. Затем всех застрелили. В Варшаве 9 ноября арестовали тысячу польских интеллектуалов – писателей, журналистов, художников.

Изгнание поляков и евреев из зон, аннексированных Германией, проходило весьма быстро и оборачивалось тяготами для изгнанников. В целом из Познанской области, которая теперь стала называться Вартеланд, изгнали 120 000 поляков, в большинстве своем крестьян, 35 000 – из Данцига – Западной Пруссии, 15 000 – из Восточной Верхней Силезии. «Я назначен фюрером, – заявил Альберт Форстер в Быдгоще 27 ноября, – радетелем немецкого дела в этой стране с явным приказом вновь ее германизировать. Следовательно, моя задача – сделать все возможное, чтобы в следующие несколько лет изгнать любое проявление полонизма, в чем бы оно ни заключалось».

Для евреев, изгнанных из аннексированных областей, одной из зон перемещения было Люблинское воеводство. Здесь 9 ноября шефом полиции и СС был назначен хорошо известный и смертельно опасный антисемит Одило Глобочник. В довоенные годы он был заместителем районного предводителя нацистской партии в Австрии и помогал проложить путь к гитлеровской аннексии и контролю нацистов над этой страной.

Меры, принимавшиеся теперь в генерал-губернаторстве, превосходили по жестокости и даже дикости произвольные избиения и убийства шести довоенных лет нацистской «борьбы». 15 ноября в Лодзи подожгли главную синагогу; местные польские пожарные команды по приказу немцев вызвали только для того, чтобы предотвратить распространение пламени на прилегающие здания. В Варшаве 16 ноября немецкий плакат кратко объявлял о казни в тот день пятнадцати поляков, один из которых был евреем. В Люблине, где располагался новый штаб Одило Глобочника, книги из городской Еврейской религиозной академии свезли на рыночную площадь и сожгли. «Это был вопрос особой гордости, – позднее сообщал немец-очевидец, – уничтожить крупнейшую в Польше талмудическую академию». Огонь горел 24 часа. «Люблинские евреи, – вспоминал немец, – собрались вокруг и горько рыдали, почти заглушая нас своими стонами. Мы вызвали военный оркестр, и солдаты радостными криками перекрыли звуки еврейских стенаний».

«Поистине в глазах нацистов мы просто скот, – заметил в дневнике 18 ноября варшавский педагог Хаим Каплан. – Когда они надзирают над рабочими-евреями, в руках у них хлысты. Всех бьют без жалости». 19 ноября Гиммлер сообщил Гитлеру о «расстреле 380 евреев в Острове».

Теперь по всему генерал-губернаторству начали принимать меры к изоляции евреев от поляков. Среди тех, кого раньше изгнали из польских областей, аннексированных Германией, были евреи из небольшого городка Серпца. Когда они со своими жалкими узлами дошли до Варшавы, стало понятно, что наряду с изгнанием они пережили особое унижение до того, как покинуть Серпц, – их заставили нашить на отворот пиджака желтый знак и снабдить его словом «еврей». 17 ноября в Варшаве Хаим Каплан заметил, что, когда другие варшавские евреи видели эту эмблему, «на их лицах проступал стыд». Каплан посоветовал ответный шаг – приписать после слова «еврей» уточнение «моя гордость». Впрочем, когда он предложил сделать это евреям из Серпца, «знающий человек ответил, что завоеватели называют такие вещи “саботажом” и карают виновного смертью».

23 ноября Ганс Франк заявил из Кракова, что все евреи и еврейки старше десяти лет в генерал-губернаторстве должны носить белую нарукавную повязку шириной в четыре дюйма, «маркированную звездой Сиона, на правом рукаве их нижней и верхней одежды». В Варшаве звезда должна была быть голубой. «Нарушители», предупреждал Франк, будут заключены в тюрьму. Однако против варшавских евреев уже начались куда более жестокие репрессии. За день до объявления Франка пятьдесят три еврея, жившие в здании № 9 по улице Налевки, были расстреляны в качестве мести за гибель польского полицейского, убитого евреем, жившим по тому же адресу. Немцы предложили уплатить за них выкуп, но, когда представители варшавского еврейского совета принесли и отдали деньги в гестапо, им сказали, что арестованные евреи уже расстреляны. Деньги общине так и не вернули.

Казнь пятидесяти трех евреев из дома № 9 по улице Налевки стала первым массовым убийством евреев в Варшаве. Она «вызвала невероятное потрясение в еврейской среде», вспоминал позднее один еврей. В этом акте возмездия погиб сорокапятилетний Самуэль Замковий, один из ведущих гинекологов Варшавы.

Некоторых военнослужащих германской армии происходившее шокировало. 23 ноября, на следующий день после казни жителей улицы Налевки, генерал Петцель, представитель германского военного командования в Варшаве, написал доклад, отправленный генералом Бласковицем Гитлеру, в котором сообщал, что почти «во всех крупных поселениях» СС и гестапо «осуществляют публичные расстрелы». Более того, Петцель добавлял: «Отбор целиком произволен, а проведение казней во многих случаях отвратительно».

25 ноября служащие ведомства по делам расовой политики в Берлине Эберхард Везель и Герхард Гехт разослали нацистским вожакам, в том числе Гиммлеру, предложения относительно будущего поляков. «Здравоохранение с нашей стороны следует ограничить до мер, достаточных для предотвращения эпидемий на территорию рейха». Следовало «терпеть или стимулировать» любые средства, которые могли бы «ограничить» рождаемость среди поляков. Что касается евреев, «к их санитарной судьбе мы безразличны». Как и в случае с поляками, «их размножение следует сдерживать всеми возможными способами».

С целью подчинения Британии и Франции Гитлер пустил в ход оружие, которое должно было произвести революцию в военном деле. Магнитная мина взрывалась под действием магнитных свойств любого проходящего над ней корабля со стальным корпусом. 14 ноября в Лондоне Черчилль проинформировал военный кабинет о появлении этого нового устройства, которое стало наносить серьезный ущерб британским и французским торговым перевозкам. Германские подлодки уже оставили ряд магнитных мин в важнейшем пункте британского морского судоходства – напротив выхода из устья Темзы. Британский минный заградитель «Эдвенчер» наткнулся на мину и получил тяжелые повреждения. Погибли двенадцать моряков.

Британские морские эксперты работали 24 часа в сутки, чтобы найти способ противостоять тому, что Черчилль назвал на секретном заседании военного кабинета «серьезной угрозой, которая вполне может быть “тайным оружием” Гитлера». Сам Гитлер уже погрузился в планы всеобъемлющей войны на западе. 15 ноября он обсудил их с генералом Роммелем, который проявил свои военные навыки в польской кампании. «Фюрер полностью уверен в успехе, – записал Роммель. – Покушение на него в Мюнхене лишь укрепило его решимость. Чудо видеть все это».

Через пять дней после разговора с Роммелем Гитлер издал новую директиву высшим командирам своих армии, флота и ВВС, где изложил детали грядущего нападения на Бельгию и Нидерланды. «Там, где не будет оказано сопротивления, – писал он, имея в виду Голландию, – вторжение примет характер мирной оккупации». Флот предпримет блокаду нидерландского и бельгийского побережья.

Тем временем военно-морской флот Германии продолжал сеять разрушения у восточных берегов Британии, сбрасывая магнитные мины с аэропланов. Эти мины топили торговые суда без разбора. Среди пяти судов, затонувших 19 ноября, было два английских, французский, шведский и итальянский корабли. 20 ноября минный тральщик «Мастиф» сам взорвался на магнитной мине во время ее установки. 22 ноября фортуна улыбнулась Британии: магнитная мина, брошенная с воздуха, упала в прибрежной полосе близ Шоберинесс и нетронутой увязла в иле. Когда следующей ночью ее достали и разобрали, секрет ее был раскрыт. 23 ноября адмиралтейство начало поиски противоядия.

Гитлер ничего не знал о том, что британцы заполучили магнитную мину. В тот же день, 23 ноября, он говорил генералам о грядущем нападении на Бельгию, Голландию и Францию. В Британию, однако, вторгаться не следовало, так как ее «можно будет поставить на колени при помощи подводных лодок и мин».

Гитлер уверенно заявлял о том, что победа на западе неминуема, если незамедлительно воспользоваться выпавшим шансом. «Впервые в истории мы должны сражаться только на одном фронте. Второй в настоящее время свободен. Но никто не может сказать насколько». Его жизнь, продолжал Гитлер, не имела значения: «Я привел немецкий народ к великим достижениям, пусть даже сейчас мы и стали объектом ненависти в мире». Он решил прожить свою жизнь так, чтобы, если ему придется погибнуть, он мог сделать это «без стыда». «В этой борьбе я буду стоять или упаду, – добавил он. – Я не переживу поражения моего народа».

Это были суровые слова. «Фюрер говорил очень прямо, – записал Роммель на следующий день. – Но кажется, это и необходимо, ибо чем больше я говорю с товарищами, тем меньше я нахожу в их сердцах убежденность в том, что они делают».

На море уверенность Гитлера внешне соответствовала действительности. 24 ноября, на следующий день после его речи перед генералами, немецкий линейный крейсер «Шарнхорст» после четырнадцатиминутной бомбардировки потопил британский вспомогательный крейсер «Равалпинди». В целом утонули 270 британских офицеров и матросов, выжили только тридцать восемь, двадцать семь из которых подобрали немцы.

28 ноября в ответ на минирование британских прибрежных вод правительство Великобритании начало морскую блокаду всего немецкого экспорта в Северном море. На следующий день Гитлер издал новую военную директиву № 9, которая начиналась словами: «В нашей борьбе против западных держав Англия показала себя вдохновителем неприятельского боевого духа и ведущей враждебной державой. Поражение Англии имеет первостепенное значение для окончательной победы». «Самое эффективное» средство достижения такого поражения состояло в том, чтобы «парализовать английскую экономику в ее наиболее значимых пунктах». Когда вермахт разгромит англо-французские армии и будет «удерживать сектор побережья» напротив Англии, основной задачей германских флота и ВВС станет «перенос войны» на английскую промышленность. Это предполагалось сделать путем морской блокады, минирования морей и воздушных бомбардировок промышленных центров и портов.

Минирование у британских берегов и так производилось в значительных масштабах. Теперь увеличилось число разведывательных полетов германских самолетов над Британией. В Лондоне военный кабинет спросил главное ведомство, ответственное за установление намерений Германии, – Объединенный разведывательный комитет, – что означает вся эта деятельность. 30 ноября комитет ответил, что о ее целях можно лишь догадываться.

3

Непокорная Финляндия

НОЯБРЬ 1939 – ФЕВРАЛЬ 1940 г.

Утром 30 ноября 1939 г. Красная армия начала массивное наступление на советско-финской границе. Тем, кто воевал в Западной Европе уже почти три месяца, было очевидно, что Финляндия скоро сдастся: 26 советских дивизий общей численностью 465 000 человек двинулись против девяти финских общедивизий общей численностью 130 000 человек. Одновременно тысяча советских самолетов вступила в бой против 150 устаревших финских. Советское верховное командование было настолько уверено в скорой победе, что значительная часть советских солдат, несмотря на явное начало зимы, была одета в летнюю униформу.

В первый день войны в результате советского налета в столице погиб 61 финн. Больницы оказались переполнены ранеными. «Одну умирающую женщину, – вспоминал позднее журналист Джеффри Кокс, уроженец Новой Зеландии, – принесли сжимавшей в руках мертвого ребенка. У девочки двенадцати лет Долорес Зундберг обе ноги превратились в неровные обрубки, и она умерла на операционном столе».

Этот налет и фотографии, которые тиражировались по всей Финляндии на протяжении многих следующих недель, убедили финнов в необходимости сопротивляться. «На всех фронтах, которые я посетил в дальнейшем, – вспоминал Джеффри Кокс, – каждый с гневом говорил о том вечере 30 ноября. Я видел газеты и фотографии горящих улиц Хельсинки в крестьянских домах и квартирах рабочих по всей стране. Стальной боевой дух финнов в этой войне в немалой степени обусловлен налетом на Хельсинки».

2 декабря советский ТАСС объявил о создании Народного правительства Финляндии, но на границах сопротивление финнов было внушительным. Небольшие соединения финских солдат быстро передвигались на велосипедах и лыжах по узким лесным тропам. Обороняющиеся финны бросали в башни советских танков бутылки с бензином, в горлышко которых были воткнуты горящие тряпки: этот простой, но эффективный зажигательный снаряд вскоре получил название «коктейля Молотова».

Нападение СССР на Финляндию моментально попало в передовицы мировой прессы. В Великобритании, Франции и Соединенных Штатах, даже в Германии на маленькую страну, пытавшуюся дать отпор такой массивной атаке, взирали с восторгом. Хотя новая война и отвлекла внимание, не ослабевали зверства, начавшиеся в войне старой, равно как и хватка нацистов. К первой неделе декабря всех польских пациентов Штральзундской психиатрической лечебницы забрали в лагерь Штуттгоф близ Данцига и застрелили. Затем их трупы закопали польские заключенные; их тоже расстреляли, когда они выполнили свою страшную задачу. На новой советско-германской границе, в Хелме на территории генерал-губернаторства, эсэсовцы выстроили и расстреляли пациентов местной психиатрической больницы; тех, кому удалось бежать, преследовали, поймали и убили.

Этими убийствами руководили не военные, а доктора. 2 декабря, после жалобы Министерства юстиции рейха на двух медиков СС, докторов Карла Генцкена и Эдвина Юнга, которые провели в Заксенхаузене успешные эксперименты по стерилизации профессиональных преступников, глава системы концлагерей Рихард Глюкс в письме начальнику личного штаба Гиммлера генералу СС Вольфу подчеркнул, во-первых, что медицинские эксперименты оправданы опасной природой подвергнутых им преступников, а во-вторых – что ни один из докторов не может быть допрошен Министерством юстиции, потому что оба были переведены в отряды «Мертвая голова» и в настоящий момент служили «на фронте». Конечно, речь шла о фронте, на котором бои закончились более чем за два месяца до этого. Вскоре доктор Генцкен покинул

Польшу, чтобы занять пост в медико-санитарной службе войск СС, начальником которой он стал позднее.

5 декабря Гитлер и Геббельс, только что вернувшийся из Польши, обсудили в Берлине работу СС в Польше. На этой встрече присутствовал Ганс Франк, который приехал в Берлин с Геббельсом. Через два дня Гитлер издал новый декрет, который назывался «Ночь и туман» и позволял арестовывать «лиц, угрожающих безопасности Германии». Задержанные должны были не погибать немедленно, а «исчезать без следа в ночи и тумане». В списках узников немецких концлагерей буквы NN – *Nacht und Nebel* – напротив имени заключенного означали казнь.

Советско-финская война, 30 ноября 1939 – март 1940 г.

Однако новая политика не положила конец публичным казням, которые проводились с целью запугивания и устрашения. 8 декабря в Варшаве был расстрелян 31 поляк; шестеро из них были евреями. Им приписали участие в «актах саботажа». «Сил на то, чтобы плакать, не остается, – признался в дневнике Хаим Каплан, – постоянные и продолжительные слезы ведут к тишине. Сначала кричали; потом причитали и, наконец, издавали бездонный вздох, который даже не оставляет эха».

В Финляндии Красная армия продолжала наступление вдоль более чем тысячекилометрового фронта, растянувшегося от Северного Ледовитого океана до Финского залива. На Крайнем Севере был пройден арктический порт Петсамо, но в Наутси, на норвежском конце «дороги на Ледовитый океан», советские войска оказались остановлены. Их также остановили и в Кухмо и Иломантси. Три советские попытки высадить морской десант через Финский залив в трех финских портовых городах Турку, Ханко и Порвоо кончились неудачей.

В Великобритании и Франции сопротивление Финляндии советскому нападению вызывало сильные симпатии. 7 декабря британский премьер-министр Невилл Чемберлен объявил о продаже Финляндии тридцати самолетов-истребителей. Четыре дня спустя Лига Наций начала в Женеве экстренное обсуждение, которое завершилось исключением из нее Советского Союза 14 декабря и призывом оказать финнам всю возможную помощь. Премьер-министр Франции Эдуард Даладье позднее перечислил военную помощь, которую направила Франция: 145 самолетов, 496 тяжелых орудий, 5000 пулеметов, 200 000 ручных гранат, 400 000 винтовок и 20 миллионов патронов. Помощь в бою предложили британские, французские и итальянские добровольцы; они отправились в Хельсинки, где их с энтузиазмом встретили финны.

12 декабря финские войска к востоку от города Суомуссалми вступили в бой против куда более крупной советской ударной группировки. Хотя у финнов и не было артиллерии и противотанкового оружия, они смогли держать линию обороны пять дней при температурах сильно ниже нуля. Финские войска решили не пасовать перед советским подкреплением – 44-й стрелковой дивизией под командованием комбрига А. И. Виноградова, и атаковали его в рукопашной, когда оно было зажато на узкой грунтовой дороге, окруженной густым лесом⁷. На других участках фронта танки Красной армии тоже не могли ничего поделывать с финскими минами и «коктейлями Молотова»; финские солдаты даже использовали бревна, чтобы срывать гусеницы танков.

Наблюдая за ходом Зимней войны и восторгаясь борьбой финнов, Гитлер готовился к собственной кампании на западе. 12 декабря он приказал существенно, почти вдвое, увеличить запасы артиллерийских боеприпасов и начать массовое производство морских мин. Ранее он уже распорядился о значительном увеличении производства подводных лодок. В войне на море удача улыбалась ему не всегда. 13 декабря в Южной Атлантике немецкий «карманный линкор» «Адмирал граф Шпее», потопивший за пять дней три британских торговых судна, был выслежен британскими крейсерами «Ахиллес», «Аякс» и «Эксетер» и после более пятидесяти попаданий укрылся в территориальных водах Уругвая. Через четыре дня капитан Ганс Лангсдорф потопил его. 20 декабря Лангсдорф застрелился в своем гостиничном номере в Буэнос-Айресе.

Британская публика, до сих пор озадаченная тем, что спасти Польшу не удалось, и скептически настроенная по отношению к «войне конфетти» (общее число напечатанных пропагандистских листовок достигло 118,5 миллиона экземпляров), обрадовалась морской победе. В оккупированной Германией Польше, однако, бич тирании стал еще более жестоким.

⁷ Направленная на выручку попавшей в окружение под Суомуссалми 163-й стрелковой дивизии 44-я стрелковая дивизия была уничтожена в сражении на Раатской дороге к 8 января 1940 г. Уцелела лишь небольшая часть ее личного состава. Командование дивизии, включая комбрига Виноградова, было расстреляно перед строем 11 января по требованию начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса.

11 декабря всех евреев, живших в пределах генерал-губернаторства, обязали к принудительному труду в течение двух лет с возможным удлинением этого срока, «если его воспитательная цель не будет достигнута». За исполнением задач – осушением болот, прокладыванием дорог, строительством укреплений вдоль новой советской границы – строго следили. 14 декабря 1500 евреев депортировали из Познани в генерал-губернаторство, сказав, что они смогут взять с собой столько багажа, сколько захотят. Тем вечером их багаж погрузили в специальные товарные вагоны поезда. Непосредственно перед отбытием поезда багажные вагоны отцепили. Депортированные евреи смогли увезти только одежду, которая была на них надета.

Никто, даже немцы, не знал, какая судьба ждет евреев генерал-губернаторства. «Мы не можем расстрелять два с половиной миллиона евреев, – записал Ганс Франк в дневнике 19 декабря 1939 г. – Не можем мы их и отравить. Однако нам придется предпринимать шаги с целью как-нибудь искоренить их».

Война на море продолжалась; 17 декабря пять пассажирских лайнеров, превращенные в транспортные суда и двигавшиеся в сопровождении линейного крейсера, линкора и авианосца, благополучно добрались до Британии через Атлантику. На борту было 7500 канадцев, все добровольцы, желавшие воевать против Германии. Через два дня после их прибытия германский флот ввел в строй вспомогательный крейсер «Атлантис», переоборудованный из грузового судна, водоизмещением 7852 регистровые тонны (17600 т). Следующие три с половиной месяца он готовился к выполнению театральной боевой задачи. У корабля был специальный отсек для хранения 92 магнитных мин. Подготавливалось закамуфлированное вооружение из шести шестидюймовых и двух зенитных орудий. «Атлантису» поручалось топить или захватывать торговые суда союзников. Для этой цели он должен был поднимать флаги различных наций, обманывая торговые суда при приближении к ним; среди них были флаги Британии, Нидерландов и Норвегии.

«Атлантис» оказался успешным – одним из самых смертоносных крейсеров Германии, но «секретное оружие», магнитная мина, вскоре перестала внушать ужас. 19 декабря британское Адмиралтейство сообщило кабинету военного времени о разработке системы, которая позволяла размагничивать отдельные корабли при помощи катушки, которая обматывала судно. Сопrotивляемость корабля магнитным минам после размагничивания резко возрастала. Для того чтобы сохранить этот успех в тайне от немцев, Черчилль распорядился всякий раз, когда корабль тонул из-за обычной мины, «сообщать, что он потоплен магнитной миной, если есть такая возможность». А президенту Рузвельту он телеграфировал с понятным облегчением: «Думаю, мы ухватили ее за хвост».

21 декабря отмечалось шестидесятилетие Сталина. Он получил поздравительную телеграмму и от Гитлера. Через два дня Гитлер уехал из Берлина в Мюнхен. Там в беседе с Эльзой Брукманн, с которой он дружил двадцать лет, фюрер говорил о том, как в грядущие восемь месяцев поставит Британию на колени при помощи магнитных мин. Отправившись на Западный фронт, он пересек границу напротив французской деревни Спишеран (Шпихерн)⁸, где немцы оттеснили французов во время короткой стычки в сентябре.

Пока Гитлер объезжал германские воинские части на Западе, участвуя в рождественских праздниках, на Востоке его правление ознаменовалось новым варварством. В небольшом польском городке Вавер, стоявшем по другую сторону Вислы от Варшавы, польские уголовники, скрываясь от ареста, убили двух немецких солдат. Через два часа в Вавере и близлежащей деревне Анин были схвачены 170 мужчин и мальчиков. Одну женщину немцы заставили выбрать, кого из мужчин она им отдаст – отца, брата или сына. Все 170 схваченных были отведены

⁸ Место второго сражения Франко-прусской войны 1870 г., состоявшегося 6 августа. Иное название – битва при Форбахе.

в расположенный поблизости железнодорожный туннель, где им пришлось несколько часов стоять с поднятыми вверх руками. Затем их стали выводить по десять и расстреливать. Последним десяти дали отсрочку: их заставили рыть могилы для убитых. Среди расстрелянных был двенадцатилетний мальчик Стефанек Данковский и два гражданина США, не имевшие с собой американских паспортов, – мужчина по фамилии Щигел и его шестнадцатилетний сын.

Пока гитлеровская полиция и гестапо усиливали жестокую хватку над Польшей, Красная армия сражалась с более слабым врагом, который тем не менее не переставал сопротивляться. Финны не только старались удержать линию обороны, но и пытались вовсе выбить советские войска из Финляндии. День боины в Вавере близ Варшавы стал также днем контрнаступления финнов у Суомуссалми, которое через четыре дня закончилось отступлением советских 163-й дивизии комбрига А. И. Зеленцова и 44-й дивизии комбрига А. И. Виноградова через советско-финскую границу. Финны похоронили больше 1500 советских военнослужащих, но еще 25 000 погибших в бою или умерших от ран на морозе остались лежать под снегом. Позднее за эту неудачу Виноградов был расстрелян.

Победа при Суомуссалми стала мощным стимулом для боевого духа финских войск на других участках фронта. Полковник Ялмар Сииласвуо, который командовал оборонявшимися финнами, был произведен в генерал-майоры и отправлен на сто километров южнее преследовать другую, 54-ю советскую дивизию, зажатую в лесах при Кухмо. После войны он написал о защитниках Суомуссалми: «Они показали народу полный трудностей, но единственный путь к славе».

Возвратившись в Берлин, Гитлер получил письмо, отправленное 28 декабря из Берлина Фрицем Тиссенем – промышленником, который рьяно поддерживал его в 1932–1935 гг. В 1937 г. Тиссен протестовал против преследования в Германии христианства, а в 1938 г. – против преследования евреев. Он писал: «Теперь Вы нашли компромисс с коммунизмом. Ваш министр пропаганды даже осмеливается заявлять, что честные немцы, голосовавшие за Вас, как за противника коммунизма, по сути идентичны кровавым революционерам, свергнувшим Россию в пучину страданий»⁹.

Гитлер не намеревался разрывать пакт со Сталиным, по крайней мере пока ему не удастся поставить Британию на колени. Не собирался он и смягчать свое отношение к евреям. «Еврейско-капиталистический мир, – заявил он 30 декабря в новогоднем послании немецкому народу, – не переживет XX в.». Для евреев в оккупированной Германией Польше это было не пустое пророчество. В первую неделю января 1940 г. в одной только Варшаве от голода каждый день умирало семьдесят евреев. 2 января, пытаясь скрыть размах смертей, генерал-губернаторство запретило публикацию некрологов.

По всему генерал-губернаторству был установлен строгий комендантский час. В Варшаве евреи должны были быть дома к восьми часам вечера. Те, кто пренебрегал этим приказом, даже если у них был специальный пропуск, могли быть расстреляны. Начало января принесло полякам еще одну трагедию масштаба ваверских расстрелов середины декабря. На одну из варшавских станций прибыли запечатанные вагоны для перевозки скота. За 13 дней до этого в них поместили 2000 польских военнопленных, высланных из Восточной Пруссии. Когда вагоны вскрыли, обнаружилось, что 211 солдат замерзли насмерть. Выжившие были изнурены; еще несколько человек умерло через несколько часов после прибытия. Другие из-за тринадцатидневной пытки сошли с ума. На той же неделе, 7 января 1940 г., на станции Плашов неподалеку от Кракова в вагоне, везшем поляков, изгнанных из присоединенной к Германии провинции Вартеланд, были обнаружены 28 трупов. На станции Дебица, в 120 километрах к востоку, в одном только скотовозе нашли 30 замерзших насмерть детей.

⁹ Цит. по: Тиссен Ф. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната / Пер. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008 (За линией фронта. Мемуары). Гл. 2 «Окончательный разрыв с Гитлером».

Война Гитлера должна была распространиться с востока на запад и включала планы вторжения в Британию. Для начала операции «Гельб» ждали только явного периода хорошей погоды. Приготовления к разгрому Британии осуществлялись безостановочно. 3 января 1940 г. немецкая морская разведка получила сообщение от одного из своих агентов в США. Мария Кёдель сигнализировала об американских военных поставках в Британию и передала названия и время отплытия кораблей, которые загружались в бруклинском доке Гамильтон. Марии Кёдель даже удалось склонить к сотрудничеству британского моряка, который дезертировал с корабля, Дункана Скотт-Форда; позднее его раскрыли, поймали, вернули в Британию, допросили и повесили. Информация, которую он выдал, как и данные Марии Кёдель, увеличила осведомленность немцев относительно британских торговых операций. В значительной мере информацию немцы получали даже не от шпионов, а из внимательного чтения обычной американской прессы.

Вдоль норвежского побережья немецкие торговые суда пренебрегали нейтралитетом Норвегии и перевозили шведскую железную руду из конечного пункта железной дороги в Нарвике в порты Германии на Северном море. 6 января 1940 г. британский военный министр лорд Галифакс предупредил норвежское правительство о намерении Соединенного Королевства разместить в водах Норвегии мины, чтобы вынудить немецкие корабли выходить в открытое море, где их можно будет атаковать. Предупреждение сделали, но мины так и не заложили, и немецкие корабли с рудой продолжали двигаться без помех. Через два дня британское правительство, не знающее, сколь долго еще будет действовать его «линия жизни» через Атлантику, расширило карточную систему, до той поры включавшую только потребление мяса, масла и сахара. Однако Британию пронизывало чувство уверенности или, по крайней мере, безопасности. 8 января 1940 г. в свои дома в Лондоне вернулись 316 192 ребенка – почти половина эвакуированных в сельскую местность в начале войны.

Одним из тех, кто действительно боялся нападения Германии на Великобританию, был итальянский диктатор Бенито Муссолини. 8 января итальянский посол в Берлине передал Гитлеру письмо Муссолини, в котором дуче спрашивал, действительно ли стоило «рисковать всем, включая режим, и жертвовать цветом поколений немцев, чтобы ускорить падение плода, который и так с неизбежностью упадет и будет подобран нами, представителями новых сил Европы». «Крупные демократии, – добавлял Муссолини, – несут внутри самих себя семена своего упадка».

Гитлер не ответил. Муссолини больше не протестовал. Через два дня, во второй половине дня 10 января 1940 г., на встрече с генералитетом Гитлер назначил на 17 января начало атаки на Западе. Ковровая бомбардировка французских аэродромов должна была начаться 14 января. Два миллиона немецких солдат заняли позиции вдоль границ Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Франции. Обещали от двух до десяти дней ясной погоды. Можно было проводить операцию «Гельб», но на следующий день Гитлеру доложили о возможной задержке: легкий самолет люфтваффе пересек бельгийскую границу и разбился при посадке у бельгийского города Мехелен-на-Мёзе. В портфеле у одного из его пассажиров, майора Гельмута Рейнбергера, лежал оперативный план воздушного нападения на Бельгию. Бельгийские солдаты схватили его, когда он сжигал планы. «Из-за таких вещей можно проиграть войну!» – в сердцах вскричал Гитлер, узнав о крушении самолета. Однако тем же вечером он подтвердил, что вторжение на Западе должно было начаться, как планировалось, 17 января.

Непосредственным результатом падения самолета майора Рейнбергера стал приказ, изданный Гитлером 11 января 1940 г., который гласил, что «никому – ни ведомству, ни офицеру – не разрешается знать о секретных вопросах больше, чем совершенно необходимо для служебных целей». Не прокол службы безопасности, а вероятность тумана заставила 13 января Гитлера отложить наступление на три дня, назначив его на 20 января. Тем же вечером в Берлине стало очевидно, что армии Нидерландов и Бельгии начали мобилизацию войск на грани-

цах. Тем же вечером 13 января полковник Ганс Остер, заместитель главы немецкой службы разведки, рассказал детали неизбежного нападения заместителю военного атташе Нидерландов в Берлине майору Сасу, который, в свою очередь, передал их своему бельгийскому коллеге полковнику Гётальсу; тот отправил их закодированным сообщением в Брюссель. Так как немецкая разведка знала бельгийский код, утром 14 января об этом сообщении должны были узнать в Берлине. И все же, по-видимому, скорее ухудшение погоды, нежели страх встретить сопротивление подготовленного противника вынудил Гитлера вновь отложить наступление днем 16 января, прямо перед началом запланированных бомбардировок. «Если мы не сможем рассчитывать по крайней мере на восемь дней хорошей и ясной погоды, – информировал Гитлер свой штаб, – то отложим его до весны».

Война на Западе вновь была отсрочена; в Финляндии советские стратеги, надеясь начать эффективный военный удар позднее в тот же месяц, применили новый метод – тяжелые бомбардировки дорожных и железнодорожных узлов, армейских складов и доков. Только 14 января бомбардировке подверглись 35 различных городов и деревень. Теперь до финнов стала в значительных количествах доходить помощь Запада, обещанная в первых числах декабря. Начали прибывать и добровольцы. Несмотря на энергичный протест СССР, 13 января шведское правительство согласилось по запросу Великобритании предоставить волонтерам проход через Швецию, если они будут передвигаться без оружия, униформы и не будут состоять на действительной службе в армиях союзников.

Британское правительство с тревогой ждало какого-нибудь намека на то, когда Германия нанесет удар на Западе. До тех пор даты и детали могли стать известны в последнюю минуту благодаря людям вроде полковника Остера или случайному перехвату документов, как в случае с майором Рейнбергером. Однако в январе 1940 г. выдающийся успех британской разведки преобразовал сбор информации и военный потенциал Британии. В этом месяце британские шифровальщики начали с определенной частотой читать сообщения, которые отправляла самая секретная система германских коммуникаций – машина «Энигма».

Это решающее достижение стало результатом не одних только британских усилий: в течение многих месяцев французские шифровальщики наравне с английскими старались как можно быстрее раскрыть код «Энигмы». И британцы, и французы воспользовались новаторскими разработками польских математиков, прежде всего Мариана Реевского. Французский тайный агент, известный под кодовым именем Аше (это был Ганс Тило Шмидт), продал важные документы французской разведке. 16 августа 1939 г., за две недели до начала войны, польская разведка передала британской секретной службе новейшую модель машины «Энигма».

Прорыв января 1940 г. касался метода; он не принес союзникам немедленных выгод. Взломанный с огромными усилиями шифр был кодом «Энигмы» вермахта, использованным более двух с половиной месяцев до этого, с 28 октября. До того как первый из нескольких ключей, использовавшийся ВВС Германии, начали взламывать регулярно, а порой и одновременно с передачей послания из Берлина войсковым командирам, прошло девять месяцев. Тем не менее успех середины января при всех своих ограничениях оказал огромное влияние на ход войны.

Террор, установленный немцами на Востоке, не был секретом. Детали самых ужасных зверств просачивались на Запад за считанные дни. Дипломаты нейтральных стран в Берлине были хорошо информированы о происходившем. Плакаты по всей Польше рассказывали о казнях.

Массовые казни стали использоваться как для запугивания польского населения, так и для уничтожения немцев, которых сочли не заслуживающими жизни. 9 января 1940 г. глава СС и полиции Данцига – Западной Пруссии Ф. Гильдебрандт информировал Гиммлера, что два подразделения штурмовиков под его руководством «уничтожили примерно 4000 неизлечимых

пациентов польских психических больниц», а также 2000 умалишенных немцев из лечебницы в Померании.

Признаком нового террора стали репрессии, о которых объявлялось публично. 18 января, после ареста Анджея Котта, вождя варшавской подпольной молодежной организации (семья этого молодого человека давно перешла из иудаизма в католицизм), гестапо произвольно арестовало 255 евреев, вывезло их в лес Пальмиры близ Варшавы и расстреляло. Через четыре дня, когда количество погибших среди польских гражданских лиц оценивалось в 15 000 человек, папа римский сказал в речи, переданной по радио из Ватикана: «Неоспоримые показания свидетелей позволили установить ужасные и непростительные крайности, совершенные против беззащитного и лишенного дома народа».

Среди очевидцев были офицеры германской армии: в день радиообращения папы римского генерал-майор Фридрих Мит, глава штаба немецкой 1-й армии, сказал своим собравшимся офицерам: «СС совершили массовые казни без проведения должных судебных разбирательств»; эти казни, добавил он, «запятнали» честь вермахта. Гитлеру сообщили о речи Мита, и он был снят с должности.

25 января Ганс Франк из своего штаба в Кракове издал приказ о переустройстве экономики Польши в рамках генерал-губернаторства «для немедленного усиления военной мощи рейха». С этого времени Польша должна была снабжать Германию лесом, сырьем, химикатами и рабочей силой. Приказ Франка санкционировал «подготовку к транспортировке в рейх не менее одного миллиона сельскохозяйственных и промышленных рабочих мужского и женского пола, включая примерно 750 000 сельскохозяйственных работников, по меньшей мере 50 % из которых должны быть женщинами, чтобы обеспечить сельскохозяйственное производство в рейхе и покрыть недостаток рабочей силы в промышленности рейха».

Так система рабского труда, уже примененная к евреям, была расширена на поляков, подобно тому, как ранее она уже применялась к чехам. «Сто тысяч чешских рабочих, – сказал Черчилль перед широкой аудиторией в Манчестере 27 января 1940 г., – были уведены в рабство, чтобы трудиться до смерти в Германии». То, что происходило с чехами, добавил Черчилль, «меркнет в сравнении с жестокостями, которые сейчас, пока я говорю перед вами, совершаются против поляков». По «постыдным сообщениям» о германских массовых казнях в Польше, заявил Черчилль, «мы можем судить, какой будет наша судьба, если мы попадем в лапы нацистов. Но из этих же сообщений мы должны черпать силу и вдохновение, необходимые для того, чтобы продолжать наш путь и не останавливаться для отдыха, пока не будет достигнуто освобождение и не свершится правосудие».

30 января 1940 г., через три дня после речи Черчилля, Рейнхард Гейдрих основал в Берлине новый сектор гестапо IV-D-2, цель которого состояла в завершении депортации евреев из аннексированных регионов Западной Польши и в обеспечении всех грядущих депортаций евреев, где бы и в каком направлении они ни осуществлялись.

29 января, столкнувшись с продолжающимся военным сопротивлением финнов, советское правительство начало в Швеции секретные переговоры на основе готовности отказаться от самопровозглашенного Народного правительства Финляндии, составленного из ставленников СССР, и вместо него разговаривать с существующим правительством Ристо Рюти. Стало ясно, что можно достичь некоторого соглашения и что война, сколь жестокой она ни была на фронте, все же оставалась спором не за установление коммунистического режима в Финляндии, а за передел границ и крепостей; попыткой удовлетворить желание СССР получить более протяженное побережье Финского залива для обороны Ленинграда, равно как и мерой для установления контроля над входом в Финский залив и над Карелией.

Путь к миру оказался открыт. Два дня спустя в Хельсинки было объявлено, что в советских налетах с начала войны погибло 377 граждан Финляндии.

Несмотря на начало секретных переговоров, советско-финская война продолжалась. 1 февраля 1940 г. Красная армия под командованием командарма первого ранга Тимошенко начала крупномасштабное наступление против главных оборонительных укреплений финнов – линии Маннергейма. Линия держалась, несмотря на сочетание одновременных танковых, пехотных и воздушных атак. К 3 февраля стало очевидно, что Советский Союз не смог добиться быстрой победы. Через два дня, 5 февраля, премьер-министры Великобритании и Франции встретились в Париже в рамках Высшего военного совета и согласились устроить военную интервенцию в Финляндию, отправив туда экспедиционный корпус по меньшей мере из трех дивизий. «Нельзя дать Финляндии исчезнуть с карты», – сказал Невилл Чемберлен. Было достигнуто принципиальное соглашение о том, что союзники должны установить контроль над шведскими месторождениями железной руды в Елливаре. Если этого можно добиться, высадив в Нарвике войска, которые в дальнейшем могли бы перейти из Швеции в Финляндию в качестве британской помощи финнам, то такой вариант предпочтительнее, ибо, как сказал Чемберлен, он позволял «одним выстрелом убить двух зайцев». На деле было достигнуто решение оказать первоначальную помощь Финляндии высадкой в норвежских портах Ставангере, Бергене и Тронхейме группировки «Стратфорд», которая должна была начать операцию к 20 марта. Лишь тогда, объяснил Чемберлен кабинету 7 февраля, Британия и Франция «могут быть уверены, что они опережат немцев».

Скандинавия в 1940 г.

Уверенность в том, что помощь придет вовремя, подверглась испытанию три дня спустя, когда советские силы атаковали линию Маннергейма в таком количестве, что она оказалась прорвана. Финны, показав пример высшей военной доблести, за 48 часов отошли в правильном порядке ко второй линии укреплений, которую смогли удержать. Однако передышка была не очень долгой. 13 февраля 1940 г. новая советская атака привела к образованию прорыва во второй линии обороны шириной в полмили. Брошенные в место прорыва финские войска из отборного Тавастского полка легкой кавалерии были почти полностью выкошены. Теперь в прорыв устремилась одна волна советских войск за другой. В коммюнике, выпущенном вечером 13 февраля, финское верховное командование признавало утрату «нескольких наших самых передовых позиций». Британский журналист Джеффри Кокс, сопровождавший финскую армию с начала декабря, позднее вспоминал: «Это было первое из сообщений о постепенном поражении, которые неуклонно, день за днем, выходили до конца войны».

Численное превосходство РККА оказалось решающим. К 16 февраля финские войска были измотаны. Их резервы подошли к концу. Любая серьезная контратака была невозможна. У Красной армии люди в резерве еще оставались.

Мрачный день Финляндии совпал с днем удовлетворения в Великобритании. 16 февраля в Йёссинг-фьорде, к югу от Эгерсунна, моряки британского эсминца «Казак», нарушив нейтралитет Норвегии, взяли на abordаж немецкое судно снабжения, укрывшееся в норвежских территориальных водах, прежде чем прорваться через пролив Скагеррак в Балтийское море. Немецким кораблем был танкер «Альтмарк»; под его палубой были заперты 299 британских военных моряков и матросов торговых судов, захваченных в Южной Атлантике. Последовал короткий бой, в ходе которого погибли четверо немцев, и британские военнопленные были освобождены.

В награду за этот подвиг капитан «Казака» Филип Виан был награжден орденом «За выдающиеся заслуги». Германские пропагандисты обвинили британцев в нарушении норвежского нейтралитета, но Гитлер придерживался того взгляда, что история судит деяния только по их успешности: никто не спрашивает победителя, был ли он в своем праве. Британское правительство, отвечая на формальный протест Норвегии о нарушении ее территориальных вод, ответило, что она сама нарушила международное право, позволив использовать свои территориальные воды немцам для транспортировки британских пленников в Германию.

Главное нарушение международного права в тот февраль, однако, произошло не в норвежском фьорде. 2 февраля в Польше генерал Вильгельм Улекс, главнокомандующий германской группой армий «Юг», написал протест своему начальнику генералу Бласковицу: «Недавний скачок в применении насилия полицией свидетельствует о почти невероятном отсутствии человеческих и нравственных качеств, они теперь стали “зверскими”. Единственное решение, которое я вижу в этой отвратительной ситуации, пятнающей честь всего немецкого народа, состоит том, чтобы в полном составе уволить и распустить все полицейские формирования с их высшими командирами».

Бласковиц составил список преступлений СС, детально описывающий 33 случая убийств и изнасилований поляков и евреев, а также разграбления их имущества. Что касается офицеров вермахта и людей под их началом, их отношение к СС и германской полиции, заметил Бласковиц 6 февраля, «колеблется между отвращением и ненавистью. Каждый солдат испытывает омерзение и неприязнь к преступлениям, совершаемым в Польше подданными рейха и представителями нашего государства».

Взбешенный этими обвинениями, Ганс Франк 13 февраля поехал в Берлин, чтобы просить Гитлера об отставке Бласковица. Через два дня Бласковиц повторил изобличения в письме к генералу фон Браухичу. Его протест не помог. Подобные инциденты каждодневно совершались против отдельных личностей и членов принудительных трудовых отрядов. «Унижения и пытки еврейских работников, – сообщала 18 февраля газета Manchester Guardian, – которых нацистские надсмотрщики во время работы заставляют танцевать, петь, раздеваться и даже колотить друг друга, не ослабевают».

Не только польские евреи, но и все поляки оказались подвержены самым грубым зверствам. 21 февраля Рихард Глюкс, глава германской инспекции концентрационных лагерей, информировал Гиммлера, что он обнаружил подходящее место для нового «карантинного» лагеря, в котором можно содержать, наказывать и заставлять работать поляков за любой акт мятежа или непокорности. Это место представляло собой бывшие казармы австро-венгерской кавалерии, ряд внушительных, крепко выстроенных кирпичных зданий на окраине польского города Освенцим, который теперь, после присоединения к рейху, снова назывался своим немецким именем – Аушвиц. Использовать Аушвиц как место заключения евреев не планировалось; поначалу его единственной целью было служить исправительным лагерем для поляков. Тут же началась работа по превращению казарм в лагерь и по поиску в существующих германских концлагерях персонала, который мог бы управлять им с максимальной жестокостью.

4

Скандинавский театр военных действий

ЗИМА 1939/40 г.

Гитлер намеревался завоевать или хотя бы поставить на колени Британию, прежде чем повернуть свои армии против Советского Союза. Сталин хотел как можно дольше сохранять нейтралитет СССР. В августе 1939 г. он заключил пакт с Гитлером. Это не только избавило его от участия в германско-польской войне на стороне Польши, но и дало ему существенную полосу польской территории. Вслед за разгромом Польши Германией Сталин еще более обезопасил себя против возможного немецкого нападения, утвердив советское господство над Литвой, Латвией и Эстонией. Там он получил военные базы, тем самым убедившись, что Балтийское море не будет использовано против него, по крайней мере столь же легко, как если бы Прибалтика оставалась вне его контроля. В конце ноября Сталин стремился установить коммунистическое правительство в Финляндии, но неудачно. Теперь он пытался получить от Финляндии хотя бы защитный территориальный пояс.

Предвидел ли Сталин нападение Германии на Советский Союз? 15 ноября 1939 г. он одобрил решение Главного военного совета Красной армии сократить более чем на треть силы в укрепленных районах вблизи границ. Через шесть дней лично присутствовал на заседании Совета, который решил как можно скорее расформировать все советские танковые корпуса по предложению командарма первого ранга Г. И. Кулика, который полагал, что кавалерия еще сыграет в войне ведущую роль. Несомненно, эти решения ослабляли обороноспособность Советского Союза.

Гитлер сохранял уверенность в том, что в свое время он сможет покорить Советский Союз, но в равной степени он был убежден, что не победит на Западе, если не обеспечит Германии войну на один фронт. Однако даже на Западе имелись опасности. Одна, о которой он ничего не знал, заключалась в потоплении 12 февраля минным тральщиком «Глинер» немецкой подводной лодки U-33. Когда субмарина лежала на дне на глубине 30 морских саженей (54,864 метра), из нее извлекли три ротора «Энигмы». Это событие стало новым шагом на пути к постепенному прорыву самой секретной германской военной системы коммуникаций. К несчастью для Британии и к счастью для Гитлера, три морских кода «Энигмы» взломать не удалось, но они дали шифровальщикам, работавшим на британское правительство в Блетчлипарке, к северо-западу от Лондона, важную информацию о методах работы немцев. Три шифровальных ключа, извлеченные из подлодки, получили кодовые имена «Дольфин», «Пайк» и «Ойстер», и для их взлома прилагались напряженные усилия. «Дольфин», используемый всеми надводными кораблями Германии, оказался ненадолго взломан, что дало Британии кратковременное преимущество. За потопление субмарины и получение ее драгоценных роторов «Энигмы» капитан «Глинера», лейтенант-коммандер Хью Прайс, был награжден орденом «За выдающиеся заслуги».

Пока британская разведка разрабатывала методы дешифровки самых секретных германских сообщений, которые до сей поры она могла читать нерегулярно, разведка советская сумела приглядеться к уязвимой советской границе с Японией. Все соображения Сталина насчет того, когда и как действовать на Западе, если действовать вообще, должны были приниматься с оглядкой на значительную советскую границу с Маньчжурией, находившейся под японской оккупацией. Силы и намерения Японии были неотъемлемой частью советской политики.

Советской разведке повезло: немецкий журналист Рихард Зорге, который был советским агентом, имел тесные контакты внутри германского посольства. Работники дипломатической

миссии, и даже сам посол часто звонили Зорге и спрашивали у него мнение и комментарии. В сентябре 1939 г. посольство назначило его редактором своего ежедневного новостного бюллетеня. 16 февраля Зорге смог отправить в Москву детальный отчет о производстве в Японии боеприпасов, самолетов и грузовиков, а также о заводах, на которых они создавались, и о выпуске железа и стали. Известный под кодовым именем «Рамзай», Зорге позволил Сталину оценить опасность, которая угрожала его самому дальнему, но не менее уязвимому флангу.

Прочтение британских морских сигналов немецкой разведкой показало Гитлеру, что Германии грозит очень близкая опасность – принятый 5 февраля 1940 г. англо-французский план высадки военного десанта в Ставангере, Бергене и Тронхейме. В штабе германской армии в Цоссене близ Берлина особое подразделение под руководством капитана первого ранга (в дальнейшем адмирала) Теодора Кранке и под личным контролем Гитлера работало над организацией контрмер. План, разработанный подразделением, предполагал высадку немецких войск в семи пунктах: не только в Ставангере, Бергене, Тронхейме и Нарвике, но и в Арендале, Кристиансанне и Осло, столице Норвегии. 21 февраля Гитлер назначил генерала Николауса фон Фалькенхорста руководить вторжением. Работая с подразделением капитана Кранке, фон Фалькенхорст расширил план и включил в него вторжение в Данию, чтобы обезопасить линии коммуникаций между Германией и Норвегией.

Впереди маячила новая война; к ней готовились военнотружущие флотов, ВВС и армий Британии и Германии. Британским войскам, которые отправлялись во Францию, было сказано, что их ждет новый пункт назначения с новыми условиями, в том числе со льдом и снегом. Их подготовку следовало адаптировать соответствующим образом. Вечером 24 февраля 1940 г. двадцатилетний лейтенант авиации Реджинальд Уитмарш улетел на бомбардировщике «Бленхейм» с аэродрома Кройдона в свой первый одиночный ночной боевой полет. При взлете он разбился, врезавшись в дом на краю взлетной полосы. Уитмарш погиб. Находившиеся в доме Дорис Бридж и ее пятилетняя дочь Джилл – тоже. Комментируя катастрофу, коронер сказал, что Уитмарш погиб «столь же храбро», как в бою.

Британские пилоты поднялись в небо 25 февраля 1940 г., в начале интенсивной шестидневной миссии над Берлином, Бременом, Килем, Любеком, Кельном и Гамбургом. Это была самая крупная кампания по сбросу листовок за время войны. Листовки, которые в Министерстве ВВС называли «белыми бомбами», должны были предупредить о пороках нацизма; в Польше подобных предупреждений не требовалось. Отчет очевидца, отправленный из Катовице 27 февраля и попавший на Запад, где его немедленно огласило парижское польское правительство в изгнании, рассказывал о «массовых казнях» поляков у муниципального парка этого города: «Среди жертв были священники. Глаза им завязывали карманными платками. После залпа теми же платками, которые могли быть в крови, завязывали глаза других осужденных. Один священник не погиб и начал вставать. Он был добит ударами прикладов».

Такие казни не способствовали достижению военных целей Германии; в конце февраля в попытке полностью и эффективно использовать огромную рабочую силу, оказавшуюся в распоряжении Германии, в Берлине решили найти кого-то, кто мог бы контролировать и централизовать управление трудом, включая труд покоренных чехов и поляков, на военных заводах по всему рейху. Для этой цели был выбран доктор Фриц Тодт. Система, известная как Организация Тодта, скоро стала крупнейшим работодателем Германии и посылала мужчин и женщин в промышленные районы по всему рейху, где требовалось ликвидировать замедление производства боеприпасов или снаряжения. В то же время Тодт гарантировал наилучшее экономическое использование доступных ресурсов и металлов, которые были в дефиците.

Организация союзников оставалась менее эффективной. Даже британская группировка «Стратфорд», обещанная военная экспедиция в Финляндию, датой начала которой назначили 20 марта, пришла, как сказал 1 марта финский посланник в Лондоне лорду Галифаксу, «слиш-

ком поздно», чтобы помочь Финляндии. В тот же день начальники британского штаба предупредили, что экспедиционные силы в качестве военной операции не сработают. Даже «умеренное» противодействие Швеции, которое казалось теперь вероятным, не позволило бы франко-британским войскам вовремя достичь Финляндии или дойти до месторождений железной руды Елливаре, «прежде чем там окажутся силы немцев». 4 марта план «Стратфорд» был отменен. Один член британского военного кабинета испытал большое облегчение: Черчилль был убежден, что вмешательство Великобритании в советско-финскую войну «не могло рассматриваться как выгодный отвлекающий удар, так как немецкие войска в ней не участвовали». Передача еще одного самолета Финляндии, предупреждал он своих коллег по кабинету, «ослабит нас перед лицом Германии».

Германские планы оккупации Норвегии и Дании приблизились к завершению 1 марта, когда Гитлер издал детальную директиву «Учения на Везере». В первом абзаце он разъяснял, что эта новая военная операция «предупредит действия Англии против Скандинавии и Балтики, обезопасит наши поставки железа из Швеции и обеспечит флот и авиацию дополнительными базами для действий против Англии». Немногочисленность германских войск, добавил фюрер, «компенсируется умелыми действиями и неожиданностью исполнения». Кампания должна была носить «характер мирной оккупации, направленной на защиту силой оружия нейтралитета северных стран», но любое сопротивление Норвегии или Дании следовало «сломить всеми доступными средствами». Северная кампания, заключал Гитлер, станет «самым смелым и важным предприятием в истории военного дела».

4 марта советские войска начали массированное наступление на финляндский город Выборг. Лед, который прежде, будучи слишком тонким, замедлял их продвижение, теперь был толстым и прочным и позволил им атаковать в обход линии Маннергейма. Одна советская колонна преодолела почти 55 километров по льду и ударила по финскому побережью между Хельсинки и Выборгом, в тыл защитникам города. Советская артиллерия заняла позиции на побережье и обстреливала оборонительные линии Выборга прямо со льда. Эти обстрелы продолжались всю ночь, равно как и налеты советских бомбардировщиков с воздуха. Затем, утром 5 марта, советское правительство заявило, что оно «вновь» готово к обсуждению мира с Финляндией. Финское правительство, неспособное противостоять возобновленному военному наступлению, согласилось. Вскоре после полудня 7 марта финский премьер-министр Ристо Рюти прилетел в Москву. Он прибыл сюда, чтобы обсудить мир; но сражение вокруг Выборга продолжалось. 9 марта, когда Рюти все еще был в Москве, опубликованное в Хельсинки коммюнике признало, что вторая финская линия обороны была обойдена. «В эти последние горькие дни битв, – вспоминал Джеффри Кокс, – сражение велось напряженнее, чем когда-либо за все время войны».

Пока в Москве длились советско-финские мирные переговоры, Германия продолжала приготовления к вторжению в Норвегию. Англо-французские планы прийти Финляндии на помощь были оставлены; с 4 марта Британия и Франция не предусматривали проведения военной операции. «Те, кто понимает политическую и военную ситуацию, – записал Хаим Каплан в дневнике в Варшаве 7 марта, – расхаживают словно плакальщики. Нет оснований надеяться на решительные действия этой весной, а отсутствие решимости означает, что наши ужасные беды продлятся еще долго». 8 марта польский рабочий, который напевал мелодию польского национального гимна «Еще Польша не погибла» (Марш Домбровского), был застрелен услышавшим его гестаповцем прямо на улице Кракова.

Неспособность Британии предпринять какую-либо инициативу стала очевидной 8 марта, когда начальники британского Генштаба в секретном отчете показали, что из 352 зенитных орудий, предназначенных для британских экспедиционных сил во Франции, в пункт назначения прибыли только 152. Из 48 легких зенитных орудий, необходимых британской пере-

довой ударной авиационной группе во Франции для защиты от немецких контратак, не пришло ни одного. Для защиты самой Британии необходимого по плану вооружения просто не было: из 1860 зенитных орудий, считавшихся минимальным количеством, необходимым для обороны Великобритании, имелось не более 108. Они по необходимости сосредоточивались вокруг военно-морских баз и радарных станций, в то время как самолетостроительные заводы «и другие жизненно важные пункты оставались беззащитными перед тем самым способом нападения, который, вероятнее всего, должен был на них обрушиться».

Собственная авиационная активность Британии до сих пор заключалась в разбрасывании листовок. Когда 5–7 марта 1940 г. на Рур были совершены налеты самолетов с листовками, один из пилотов сообщал, что внизу «легко можно было различить свечение доменных печей». 9 марта листовки сбросили на Прагу. В тот же день разгневанный англичанин Х. Харвуд написал в журнал *Time and Tide*: «Финляндия при смерти, предсмертные хрипы Польши слышны по всей Европе. В обоих случаях решающим фактором стал недостаток военно-воздушной мощи. Несомненно, есть множество достойных поводов, по которым мы не смогли помочь, но дает ли это основания прибавлять к бессилию тщетные попытки? Если нельзя рисковать керосином и пилотами даже для защиты жизненно важных объектов, как можно оправдать отправку самолетов на 2300 километров вглубь вражеской территории для сброса листовок?»

Британский кабинет должен был принять решение о начале первой операции Великобритании в этой войне. Он сделал это в тот самый момент, когда заместитель госсекретаря США Самнер Уэллес посещал с визитами Рим, Берлин, Париж и Лондон в поисках формулы, которая могла бы закончить войну, пока она не разрослась. В Берлине Уэллес говорил с Гитлером; 10 марта он прибыл в Лондон. Прежде чем Уэллес смог изложить Невиллу Чемберлену свои мирные предложения, военный кабинет, в котором председательствовал Чемберлен, решил отправить британскую военную группировку в норвежский порт Нарвик, чтобы захватить миллион тонн железной руды, которая дожидалась там транспортировки в Германию, и подготовиться к движению через границу Швеции для захвата месторождений Елливаре. В дополнение к нарвикской операции, получившей кодовое название «Уилфред», британские силы должны были высадиться в трех норвежских портах – Тронхейме, Ставангере и Бергене, чтобы предвосхитить любую германскую контратаку.

Позднее в тот же день, когда Самнер Уэллес излагал свой мирный план Чемберлену и Галифаксу, подчеркивая, что он будет включать в себя поступательное разоружение воюющих сторон, британские министры ответили: «Мы не можем доверять Гитлеру; даже при значительной степени разоружения Германия может легко победить более слабую страну, например Румынию». Британия может согласиться, сказали министры, дать «Соединенным Штатам формальное обязательство не нападать на Германию», но должна бытьвольна исполнять «обязательства помощи третьей стороне, которая может быть жертвой германской агрессии».

На следующий день после объявления принципов британский кабинет формально разрешил военный десант в Нарвик. Сразу после получения сведений об успешной высадке вторая группировка должна была высадиться в Тронхейме. Дополнительные силы должны были держаться в готовности для занятия Ставангера и Бергена. На встрече 12 марта 1940 г. британцы решили не уведомлять норвежское правительство «о намерении высадить силы в Нарвике», пока корабли не придут в порт.

За решением Британии предпринять военную инициативу в надежде лишить немцев необходимых им поставок железной руды на следующий день, 13 марта 1940 г., последовало подписание в Москве советско-финского договора. Одна война в Скандинавии закончилась. Другая, казалось, должна была вот-вот начаться, но как только новости о советско-финском договоре достигли Лондона, британский кабинет пересмотрел свое решение и утром 14 марта полностью отказался от нарвикского плана. Черчилль решительно, но безуспешно протесто-

вал. Подобное действие, предупредил лорд Галифакс коллег по кабинету, «только подтолкнет норвежцев и шведов в руки к немцам». Операция «Уилфред» закончилась.

Финляндия заплатила за мир высокую цену и уступила Советскому Союзу большие территории вдоль Балтийского побережья и на севере, а также сдала ему в аренду полуостров Ханко сроком на 30 лет. Погибло около 27 000 финских солдат. Согласно Молотову, советско-финская война унесла жизни 58 000 советских людей¹⁰.

На протяжении трех с половиной месяцев советские войска проходили проверку в жестком конфликте; несмотря на потери, они показали мастерство, упорство и храбрость. Несмотря на первоначальную задержку, они полностью воспользовались невзгодами зимы. Прежде всего учитывая значительное численное превосходство собственного населения, они могли привлекать существенные резервы людских ресурсов, куда более крупные, нежели их противник. Хотя их часто отбивали, они всегда возобновляли наступление. «Еще одна война в истории закончилась, – написал Джеффри Кокс, сидя 13 марта в маленьком финском кафе и слушая по радио новости о конце конфликта. – На улице светились в небе станционные часы, зажженные впервые с 29 ноября, – знак, возвещающий в XX веке о наступлении мира».

У народа Польши не было ни мира, ни таких перспектив. Даже когда на востоке Балтики смолкли советские и финские орудия, из порта Штеттин и бывшего приграничного города Шнайдемюля, что к северо-востоку от Берлина, немецких евреев продолжали депортировать в запечатанных товарных поездах в Люблинское воеводство. Эта депортация завершилась 12 марта 1940 г. Во время 14-часового пешего марша на восток от Люблина среди снегов и жгучего ветра 72 из 1200 депортированных погибли от холода.

Ночью 15 марта два британских бомбардировщика пролетели над Северным морем, Данией и Балтикой до Варшавы, сбросив на бывшую польскую столицу от шести до семи миллионов листовок. Оба самолета, совершив очень длительный полет и израсходовав много топлива, намеревались возвратиться через Германию на воздушные базы во Франции. Один по ошибке приземлился в самой Германии, но на глазах у изумленных крестьян сумел вновь взлететь и в целости добраться до Франции 16 марта. В тот день немцы действовали более агрессивно. Пятнадцать немецких бомбардировщиков атаковали якорную стоянку британского флота в Скапа-Флоу; одна бомба попала в тяжелый крейсер «Норфолк», убив трех офицеров. Другая бомба, упав на землю, убила глазевшего на налет из дверей своего дома хозяина. «По стране распространилось тяжелое чувство, – сказал Черчилль кабинету через два дня, – что, пока немцы используют бомбы, мы лишь сбрасываем листовки».

Наконец был подготовлен ответный налет, и 19 марта 1940 г. пятьдесят британских бомбардировщиков перелетели Северное море, чтобы сбросить бомбы на немецкую авиабазу в Хорнуме на острове Зюльт. Как утверждалось, до цели добрался 41 самолет, но разведывательный полет одного британского истребителя позднее подтвердил утверждения немцев о том, что они не причинили никакого ущерба. Британский штурман, энтузиазм которого превосходил его летные навыки, повел пилота к другому острову, другому морю и другой стране: бомбы упали на датский остров Борнхольм в Балтийском море. К счастью для англо-датских отношений, они не причинили никакого вреда.

В Германии небольшая группа дипломатов, священников и военных возобновила дискуссию – начатую, еще когда Гитлер угрожал вторжением в Чехословакию в 1938 г., – о мерах, которые могли бы удержать страну от тотальной войны против Великобритании. 16 марта

¹⁰ Данные о советских потерях сильно разнятся. По именованным спискам, составленным Главным управлением кадров Министерства Вооруженных сил СССР и Главным штабом Сухопутных войск в 1949–1951 гг., безвозвратные потери РККА составили почти 127 000 человек.

1940 г. дипломат Ульрих фон Хассель по наущению бывшего мэра Лейпцига Карла Гёрделера обсудил возможные мирные шаги с двумя высокопоставленными представителями германских вооруженных сил. Одним из них был генерал Людвиг Бек, а другим – полковник Остер.казалось, что папа Пий XII проявил интерес к переговорам такого рода, которые включали децентрализацию Германии и проведение плебисцита в Австрии, при условии, что лица, которые будут их инициировать, готовы поддержать «смену режима и открытое признание христианской морали».

Из переговоров ничего не вышло. Мучения этой искренней, но небольшой оппозиционной группы резко контрастировали с неумолимыми военными приготовлениями и консолидацией власти нацистов над Третьим рейхом. 17 марта 1940 г. доктор Фриц Тодт был официально назначен рейхсминистром вооружения и боеприпасов, возвестив новую эпоху промышленной производительности и эксплуатации труда военнопленных.

18 марта 1940 г. Гитлер встретился с Муссолини на перевале Бреннер, на границе Третьего рейха и Италии. Итальянский диктатор хотел добиться трех- или четырехмесячной отсрочки наступления Германии на Западе. Гитлер отказался изменить свои планы. Когда Франция будет разгромлена, сказал он, Британия согласится на его условия. Во Франции нарастали боевые настроения.

Через два дня после встречи Гитлера с Муссолини пало правительство Даладье, и премьер-министром Франции стал Поль Рейно. Он тут же предложил возобновить англо-французские планы действий в норвежских территориальных водах, объясняя в секретном меморандуме для кабинета Британии, что ответ Германии, ожидаемый им после таких действий, даст Британии и Франции шанс взять под контроль шведские месторождения железной руды. Рейно пошел дальше: Британия и Франция, сказал он, должны отрезать Германию от источников нефти в Советском Союзе, разбомбив советские нефтяные месторождения на Кавказе.

Руководство британского Генштаба приветствовало предложение Рейно возобновить нарвикско-елливарскую операцию и 26 марта сообщило кабинету, что они обдумывают вопрос «о прекращении торговли железной рудой из Елливаре в результате определенных военноморских действий». На следующий день их усилия внезапно оказались крайне необходимыми: шеф разведки Министерства военно-воздушных сил в Лондоне получил доклад, что, согласно источникам в шведской разведке, немцы сосредоточили «авиацию и корабли для операций, которые, как полагает разведка Швеции, могут заключаться в захвате норвежских аэродромов и портов».

Все было готово для возобновления англо-французского плана действий против Нарвика. 28 марта 1940 г. Поль Рейно полетел в Лондон на встречу Высшего военного совета. У Невилла Чемберлена, несмотря на его предыдущие сомнения относительно этих планов, настроение было боевое. Для того чтобы «поддержать храбрость и решимость своих народов, – сказал он, – а также для того, чтобы впечатлить нейтральные стороны, союзники должны предпринять активные меры». Первым его предложением было «безотлагательно» сплавить морские мины вниз по течению Рейна. Второе состояло в том, чтобы предпринять «все возможные шаги», дабы помешать Германии получить шведскую железную руду. «Это будет сравнительно простая военно-морская операция, – объяснял Чемберлен, – с целью постоянной блокировки путей при помощи минных заграждений. Это вынудит корабли с рудой выходить в открытое море, где их будут захватывать эскадры британских кораблей». Чемберлен, как и Рейно, предложил совершить нападение на советские нефтяные промыслы в Баку, на Кавказе, чтобы лишить Германию «поставок нефти, в которой она испытывает очень большую потребность».

В конце концов было достигнуто соглашение насчет всех трех предложений и установлены сроки их реализации. Воздушная разведка в Баку должна была начаться 30 марта 1940 г. Морские мины следовало сбросить на парашютах в Рейн 4 апреля, хотя это решение позднее отложили. Минные заграждения в норвежских территориальных водах предполагалось поста-

вить 5 апреля. Более того, было условлено, что если Германия вторгнется в Бельгию, то британские и французские войска двинутся через бельгийскую территорию к немецкой границе, «не ожидая официального приглашения».

Конечно, эти решения имели секретный характер. Однако в публичном коммюнике, обнародованном в тот же день, 30 марта, говорилось, что правительства Британии и Франции «не будут вести переговоры либо заключать перемирие или мирный договор иначе как по взаимному согласию».

Война на море, продолжавшаяся с сентября 1939 г., привела к серьезным потерям торгового флота союзников. 31 марта 1940 г. немецкий вспомогательный крейсер «Атлантис» был готов выйти в рейдерское плавание, в ходе которого он потопил 22 торговых корабля общим водоизмещением 145 697 регистровых тонн. Ко дню его отплытия в водах вокруг Великобритании немецкие субмарины уже пустили ко дну суда британского торгового флота общим водоизмещением 753 803 регистровые тонны, из-за взрывов мин затонули корабли общим водоизмещением 281 154 регистровые тонны, а в результате германских бомбардировок – 36 189 тонн. Этот внушительный тоннаж был утерян ценой всего восемнадцати немецких подлодок. В Берлине оппозиционные круги, к которым принадлежал Ульрих фон Хассель, теперь надеялись, что к нему присоединится высокопоставленный член германского Генштаба генерал Гальдер. Однако Гальдер отказался «на данный момент» обдумывать какие-либо действия. Это Англия и Франция, заявил он, «объявили нам войну, и ее нужно довести до конца».

Германские антигитлеровские оппозиционеры связывали свои надежды с нежеланием генералов и полковников отправляться на войну против Британии – в этой войне, по их убеждению, Германии не победить. Впрочем, тирания, лежащая в основании нацизма, уже сковала волю к сопротивлению. И этот тиранический режим не знал отдыха. 2 апреля 1940 г., в день, когда фон Хассель узнал о неудачной попытке сближения с генералом Гальдером, выдающийся германский социал-демократ Эрнст Хайльман умирал в концлагере Бухенвальд. Хайльман, имевший еврейское происхождение, был депутатом рейхстага с 1928 по 1933 г. Он был арестован в 1933 г. и с тех пор содержался в различных концентрационных лагерях, включая Дахау. Однажды на него, постоянную жертву жестокого обращения, натравили собак, которые искали ему руки. 3 апреля он умер в Бухенвальде. Лагерное медицинское заключение, часть дотошной тоталитарной бюрократии, назвало его смерть «ярким примером слабости и старости». Ему было пятьдесят девять лет.

2 апреля 1940 г. Гитлер отдал приказ о начале вторжения в Норвегию в пятидневный срок. Как и в ноябре, одним из первых информацию о дате наступления передал на Запад полковник Остер, который днем 3 апреля рассказал о решении нидерландскому военному атташе полковнику Якобусу Сасу. Сас передал информацию военно-морским атташе Дании и Норвегии. Датчанин тут же переслал сведения в Копенгаген. Осло не уведомили; норвежский атташе, как узнал позднее Сас, симпатизировал интересам Германии.

В первые часы 3 апреля 1940 г. первые три германских транспортных судна, замаскированные под угольщики, отплыли от немецкого побережья Балтийского моря к Нарвику, находящемуся в 1500 километрах к северу. Уголь был настоящий; под ним, однако, спрятали большое количество артиллерии и боеприпасов. 2000 военных уже взошли на десять эсминцев, готовые отплыть на север по первому приказу. Войска получили приказ высадиться в Тронхейме, Ставангере, Кристиансанне, Бергене и Осло. Масштаб германского плана соответствовал его целям.

Выполнение британского плана, теперь сведенного к установке мин у норвежского побережья, было назначено на 5 апреля 1940 г., хотя британцы и не имели сведений о том, что немцы уже проводят куда более крупную операцию. На самом деле, хотя британцы об этом

пока не знали, немецкие десанты высадились через четыре дня. Отчеты британской разведки из Норвегии и Швеции, однако, указывали, что утром 3 апреля «значительное количество» немецких войск уже находилось на борту кораблей в портах Штеттина и Свинемюнде, а другая «большая военная сила» готовилась к погрузке в Росток.

Несмотря на эти сигналы, Невилл Чемберлен 5 апреля публично заявил, что «Гитлер пропустил автобус». В тот же день специальное британское соединение кораблей отплыло из Скапа-Флоу минировать норвежские воды. Оно было разделено на две части: одна должна была откладывать мины у Северной, а другая – у Южной Норвегии. По недоразумению дата 5 апреля, установленная Высшим военным советом для минирования норвежских вод, была принята за дату отплытия кораблей из Британии, а не установки мин. Все 6 апреля, первый день трехдневного пути, два британских соединения плыли на восток через Северное море. Той же ночью, когда британские корабли все еще находились в 48 часах пути от норвежских территориальных вод, самолет разведки бомбардировочной авиации Британии сообщил об «интенсивном движении судов и ярко освещенных пристанях» у немецкого порта Эккернфёрде близ Киля. Немного позднее, за 25 минут до полуночи, другой британский разведывательный самолет заметил крупный германский корабль, «возможно линейный крейсер», шедший в 30 километрах к северу от Гельгоlanda.

Вдали от Северного моря, во тьме, которую не освещали даже самые секретные отчеты британской разведки, происходило событие, которое должно было оставить свой след в демонологии войны. Начиная с 5 апреля, на протяжении шести недель советская тайная полиция конвоировала небольшие группы польских офицеров, которые сдались Красной армии в сентябре 1939 г. и с тех пор содержались в лагерях для военнопленных в СССР, из лагеря в деревне Козельск в направлении ближайшего города Смоленска. В целом в эту поездку отправили 5000 поляков, покинувших Козельск группами численностью от 60 до 300 человек. Ни один из них не добрался до Смоленска. Вместо этого их, все еще одетых в военную форму и чаще всего со связанными сзади руками, увозили в небольшой лес близ деревни Катынь и расстреливали в затылок. Трупы их обнаружили через три года. Тела еще 10 000 польских офицеров, тоже захваченных в сентябре 1939 г. советскими силами, так и не были найдены.

В воскресенье 7 апреля 1940 г., когда два соединения британских минных заградителей покрывали последний день пути через Северное море и готовились установить мины в норвежских территориальных водах, германские военные корабли отплывали на север из балтийских портов, везя под палубами десантную армию для высадки в Норвегии. Когда первые новости об этом достигли Лондона, им не поверили. Рапорт датской разведки, со всей вероятностью основанный на том, что полковник Остер рассказал полковнику Сасу, передавшему эти сведения своему датскому коллеге в Берлине, констатировал, что Гитлер отдал приказ о «неприметной переброске одной дивизии на десяти кораблях на землю в Нарвике» и одновременной оккупации Дании. Прибытие в Нарвик было назначено на 8 апреля. «Все эти сообщения, – заключал отчет разведывательного отдела британского Адмиралтейства, – имеют сомнительную ценность и могут быть всего лишь еще одним эпизодом психологической войны».

Когда через несколько часов новости о действительном передвижении германских войск достигли Лондона, британским военно-морским силам, которые должны были поставить минные поля на юге, приказали повернуть назад. Если бы эскадра этого не сделала, то напоролась бы прямо на германские корабли. Северное соединение продолжило движение.

8 апреля 1940 г., достигнув норвежских территориальных вод, северное соединение британских минных заградителей начало установку мин. В это время германский флот вторжения продолжал беспрепятственное движение к различным целям. В первые часы 9 апреля немецкие военные корабли находились близ Тронхейма, Бергена и Ставангера; на рассвете сообща-

лось, что еще четыре германских корабля вошли в Осло-фьорд. В Нарвике, как верно сообщал недооцененный отчет датской разведки, десять немецких эсминцев высадили 2000 солдат. Местный норвежский командир был последователем Видкуна Квислинга, бывшего министра иностранных дел Норвегии и ведущего сторонника фашизма; он приказал гарнизону не сопротивляться высадке немцев. Эта новость, достигнув кабинета Чемберлена в Лондоне, вызвала особую тревогу; первоначальные и позднее отложенные британские планы высадки в Нарвике намечали десант войск на 20 марта, примерно за три недели раньше.

Как и в Нарвике, в Бергене, Кристиансанне и Тронхейме немецкие войска высадились на побережье в первые часы 9 апреля 1940 г. Они оккупировали Копенгаген. Король Дании Кристиан X, зная, что его армия не в состоянии сопротивляться, приказал немедленно прекратить огонь, но датский Верховный главнокомандующий генерал Приор отказался довести приказ до войск, надеясь, что вооруженное сопротивление продолжится. Однако в 6:45 того утра адъютант короля передал приказание армии. Дания последовала за Польшей, став второй жертвой германского завоевания.

Позднее тем же утром германский министр в Осло передал норвежскому правительству ноту, требовавшую подчинения Норвегии немецкой администрации. «В случае отказа всякое сопротивление будет подавлено». Требование было отвергнуто. Через два часа, после десантирования немецких парашютистов, норвежское правительство эвакуировало столицу в Хамар в 120 километрах к северу.

В тот же день Рейно со своим министром иностранных дел Эдуаром Даладье прилетел в Лондон на встречу Высшего военного совета. Было решено, что в Норвегию следует отправить «крупные силы». Пунктами их назначения должны стать «порты на норвежском побережье». Кроме того, собрались просить у бельгийского правительства приглашения в страну британских и французских войск. Бельгийцы отказались: они намеревались «блюсти политику абсолютного нейтралитета».

Позднее тем же днем Рейно и Даладье вернулись в Париж. Генерал фон Фалькенхорст телеграфировал Гитлеру из Осло: «Норвегия и Дания оккупированы, как было приказано». Гитлер был вне себя от радости и сказал Альфреду Розенбергу: «Теперь Квислинг сможет создать в Осло свое правительство». Так Квислинг и сделал, став премьер-министром страны, которой он так хотел руководить по фашистскому образцу. Однако для новой Норвегии, как и для оккупационных сил, не все шло хорошо. 10 апреля, к бурному гневу Гитлера, пять британских эсминцев вошли в гавань Нарвика и потопили два из десяти германских эсминцев. Один из британских кораблей утонул, второй сел на мель, а командующий 2-й эскадренной флотилией капитан Б. Уорбертон-Ли погиб.

Верные королю норвежские силы, отказавшись признать подчинение правительства Квислинга власти Германии, в меру своих возможностей перегруппировались и приготовились к бою; тысячи молодых норвежцев присоединились к частям, которые заняли позиции вдоль узких, извилистых горных дорог, все еще покрытых зимней снежной мантией. Одним из таких добровольцев был клерк Эйлив Хёуге; впервые он увидел бой 11 апреля, когда колонна автобусов, заполненных немецкими солдатами, петляла вглубь материка в направлении позиции его части. Норвежцы перегородили дорогу стволами деревьев. Когда немцы начали выходить из автобусов, норвежцы открыли огонь. Спустя несколько минут, вспоминал позднее Хёуге, четыре автобуса были объаты пламенем. На дороге лежали мертвые и раненые немцы. Размахивали белыми флагами – тщетно. Как писал один историк, «Хёуге и его товарищи стреляли в них тоже, пока двести немцев не остались лежать безмолвно на снегу».

Норвежские соединения, впервые вступившие в бой, странным образом отличались от британских войск, стоявших во Франции. «На Западном фронте ничего не выйдет, – писал домой 12 апреля 1940 г. офицер и член парламента Рональд Картленд. – Мы опять привыкли

к сравнительно мирному существованию на войне. У нас опять “сезоны”. Я устраиваю “остроумные” званые обеды и дважды в неделю ужинаю с другими батареями!»

В Лондоне правительство Чемберлена решило высадить 12 апреля 1940 г. военные силы в Нарвике, вытеснить немцев, соединиться с расположенными поблизости норвежскими войсками и перейти, если кабинет даст разрешение, в Швецию, чтобы уничтожить инфраструктуру по добыче железной руды в Елливаре – цель прежнего, отброшенного плана. На следующий день, прежде чем могло состояться десантирование, британские военные корабли во втором сражении у Нарвика потопили оставшиеся восемь немецких эсминцев. В тот же день британские войска высадились еще в двух норвежских портах: Ондалснесе, к югу от Тронхейма, и Намсусе к северу. Гитлер, встревоженный этим неблагоприятным поворотом событий, приказал эвакуироваться из Нарвика.

Британцам погода в Норвегии доставляла не меньше неприятностей, чем немцам. Британские войска в Намсусе сообщали 15 апреля 1940 г., что город покрыт четырьмя футами снега и не имеет укрытий от возможных воздушных атак. Британский отряд из шестисот человек, который должен пересечь Северное море и десантироваться в Олесунне, весь день 15 апреля простоял у берегов Шотландии из-за сильных ветров. В районе Нарвика, где британские войска уже высадились у Харстада, Салангена и Богена, глубокий снег и ночные температуры до -17°C создавали опасность обморожения и ампутации. В Намсусе оружейный огонь немцев не позволил британскому военачальнику генералу Адриану Картону де Виару высадиться с аэроплана, на котором он прилетел из Британии. В море у Нарвика германский пулеметный огонь с побережья привел к жертвам на борту эсминца «Кимберли». 16 апреля одобренный правительством план захвата фортов Тронхейма силами тысячи канадских военнослужащих, находившихся тогда в Британии, пришлось отложить на шесть дней после того, как начальники штаба сообщили, что проведение атаки по плану обойдется слишком дорого. Один из личных секретарей Невилла Чемберлена записал в дневнике той ночью, что, по некоторым признакам, норвежцы «падут духом, если вскоре не получат существенную помощь».

Армии столкнулись друг с другом на всем протяжении норвежской береговой линии. 17 апреля 1940 г., через восемь дней после того, как его войска триумфально высадились во множестве пунктов, Гитлер издал приказ: «Держаться как можно дольше». Теперь на берегу к северу от Нарвика и к северу и югу от Тронхейма находилось более 13 000 британских солдат. В операции на всей ее территории участвовали французские войска, подразделения французского Иностранного легиона и польские военные корабли, искавшие боя второй раз за девять месяцев. Против них немцы бросили пикирующие бомбардировщики, которые с такой ужасающей результативностью бомбили скопления войск как на базах, так и при движении во время «молниеносной войны» в Польше. Германское верховное командование имело в норвежских боях большое преимущество, так как могло читать свыше 30 % переговоров британских военных судов в Северном море и близ Норвегии; это приводило к тому, что многие корабли, которые иначе могли бы безопасно добраться до пункта назначения, были обнаружены и атакованы.

Британия тоже получала разведданные о германских военных и воздушных операциях. К 15 апреля правительственная школа шифрования и сигналов в Блетчли-парке взломала относительно простой код «Энигмы», принятый люфтваффе и вермахтом во время норвежской кампании. Количество сообщений, отправленных через «Энигму», а затем прочтенных в Блетчли, впечатляло. Большинство из них теперь расшифровывались за несколько часов, а некоторые и в течение одного часа после передачи немецкими радиостанциями. Каждый день, начиная с 15 апреля, дешифровывались сообщения, касавшиеся не только авиации и армии, но и флота тогда, когда его действия сочетались с этими двумя родами войск. В Блетчли была расшифрована информация не только о состоянии немецких организаций и снабжения, но и о намерениях Германии.

Однако начальство разведки было совершенно не готово использовать то, что Черчилль позднее назвал «золотыми яйцами». Ни сама школа в Блетчли, ни соответствующие правительственные учреждения, по заключению историков британской разведки, «не были приспособлены разумно работать с дешифрованными сообщениями». До сих пор не существовало никаких безопасных способов передачи бесценной информации командирам на местах или объяснения им природы уникальных догадок о действиях и планах противника.

Итак, взлом ключа норвежской «Энигмы», триумф дешифровки, не оказал влияния на ход норвежской кампании. С ее завершением немцы перестали его использовать. Подобной возможности быстро и полностью дешифровать немецкие сообщения не появлялось почти до конца следующего месяца. В войне разведок победителем в Норвегии стала Германия, а не Британия.

Сухопутная война также шла для Британии неблагоприятно; на протяжении нескольких дней, начиная с 17 апреля 1940 г., планам кабинета высадить сухопутные силы в Нарвике упорно противостоял британский командующий в Харстаде генерал Пирс Джозеф Маккези. «Ни одного офицера под моим командованием, – телеграфировал Маккези в Лондон 21 апреля, – не минует стыд за себя и свою страну, если тысячи норвежских мужчин, женщин и детей в Нарвике подвергнутся предлагаемой бомбардировке». Соппротивление Маккези оказалось решающим. Захват Нарвика отменили. Вместе с ним был отменен уже отложенный ранее план захвата Тронхейма, предполагавший использовать значительную часть войск, которые должны были выбить немцев из Нарвика. Гитлер, столь подавленный 12 апреля, теперь, всего неделю спустя, ликовал. В свой пятьдесят пятый день рождения, 20 апреля, он издал указ о создании нового полка СС «Норланд», в котором норвежцы и датчане должны были служить бок о бок с немцами. «Кто знает, – записал 21 апреля в личном дневнике генерал Роммель, – есть ли другой немец, который обладал бы таким даром военного руководства и столь же огромным мастерством руководства политического!»

Политическая проницательность Гитлера проявилась 24 апреля 1940 г., когда он назначил чиновника нацистской партии Германии Йозефа Тербовена перенять бразды реальной власти над Норвегией у Видкуна Квислинга. Человек, чье имя стало синонимом предательства собственной страны, закончил свое краткое пребывание на вершине власти всего через пятнадцать дней.

В Польше не прекращались пытки и убийства. 14 апреля 1940 г. 220 поляков, в том числе много женщин и детей, были схвачены в нескольких деревнях и хуторах близ Серокомлы; всех их расстреляли. В Штуттгофе вечером 23 апреля, в первые часы Песаха, когда в тот год евреи праздновали освобождение от египетского плена, всем евреям лагеря приказали бежать, падать на землю, вставать и снова бежать без отдыха. Всех, кто исполнял приказ слишком медленно, надсмотрщик забивал до смерти прикладом винтовки. Польский узник Штуттгофа, рассказывая об этом издевательском празднике, сообщил, что эсэсовцы запрягли в тележку с песком одного еврейского скульптора. Затем они заставили его бежать и тащить повозку, стегая при этом кнутом. Когда он от боли и изнеможения упал на землю, они перевернули повозку и похоронили его под песком. Он смог выбраться, и тогда они злорадно облили его водой и повесили. Веревка оказалась слишком тонкой и порвалась. Тогда они привели молодую еврейку, которая была беременна, и под презрительный смех повесили их вдвоем на одной веревке.

Убийства евреев стали предметом смеха и издевательств; преследования поляков тоже были ужасны. 29 апреля 1940 г. в недавно учрежденный лагерь в Аушвице прибыл с пятью сослуживцами тридцатидевятилетний эсэовец Рудольф Хёсс. Прикинув будущие размеры лагеря, природу наказаний и тяжесть труда, которым будут подвергнуты польские узники, они приказали прислать из концлагеря Заксенхаузен тридцать немецких уголовников, которые в новом лагере стали главными по баракам.

1 мая 1940 г. германские власти в Польше приказали обустроить в индустриальной Лодзи «закрытое» гетто. В городе жило 160 000 евреев; теперь им запрещалось покидать ограниченную перенаселенную зону. В выделенных им на территории гетто 31 721 квартире, большинство из которых было однокомнатными, лишь в 725 работал водопровод. 1 мая немецкой полиции приказали стрелять без предупреждения во всякого еврея, который приближался к ошетилившемуся колючей проволокой забору, ограждавшему зону гетто.

Некоторых немцев так пугало такое развитие событий, что они протестовали перед начальством. В конце апреля начальник берлинской полиции граф Вольф Генрих фон Гелльдорф, который некогда был одним из самых восторженных и видных сторонников Гитлера, услышал от своего помощника Канштайна детали его недавнего визита в Краков. 1 мая граф Гелльдорф встретился с полковником Остером, чтобы рассказать ему о впечатлениях Канштайна. Он обнаружил, что краковский шеф СС находился в состоянии, «близком к истерике», потому что ни он, ни его подручные не могли исполнять приказы, предварительно не напившись. Ни один человек, выполнявший такие задачи, какие выполняли они, сказал Гелльдорф Остеру, не мог вернуться к нормальной жизни. Затем Остер спросил Гелльдорфа о настроениях в Берлине, на что начальник полиции ответил, что войну приветствовали лишь от 35 до 40 % населения столицы.

В последние три дня апреля 1940 г. британские и французские войска готовились к отступлению со своих ненадежных норвежских позиций. 29 апреля норвежский военачальник генерал Отто Руге, войска которого сражались в арьергардных боях на юге, предупредил британского генерала, отступавшего из Ондалснеса, что, если норвежцы не могут рассчитывать на «дальнейшую интервенцию союзников», он будет советовать правительству Норвегии начать мирные переговоры. В ответе, согласованном с лондонским кабинетом, британский генерал сообщил, что, хотя союзнические силы и отходят из Центральной Норвегии, войска к северу от Намсуса получают подкрепление «для подготовки контратаки в южном направлении». В день, когда этот ответ был передан норвежцам, соединились германские войска, вышедшие из Осло и Тронхейма 10 апреля. «Выиграна не просто битва, – прокомментировал это событие Гитлер, – а целая кампания!»

Гитлеру больше не приходилось беспокоиться о внезапных переменах в планах союзников в Северной Норвегии. 30 апреля он приказал германской армии быть готовой к началу плана «Гельб» на Западе в течение 24 часов в любой день начиная с 5 мая.

Британцы, не зная точно, куда придется удар, 2 мая вывели из Франции почти целую дивизию, опасаясь, что в военные планы Гитлера может входить высадка германских сил на территории Британии. Сообщения, которые отправлялись из Берлина посредством «Энигмы» высокопоставленным немецким командирам и могли все раскрыть, расшифровать было невозможно. Норвежский триумф дешифровки «Энигмы», столь неожиданный, что его так и не смогли даже использовать, не удалось повторить над Францией или Ла-Маншем, чтобы повлиять на отступление британцев к побережью.

Королевский флот Великобритании, прибывший к Намсусу для эвакуации войск, обнаружил, что город объят пламенем. Первым судном, подошедшим к пристани, был эсминец «Келли» под командованием лорда Луиса Маунтбеттена, правнука королевы Виктории. «Келли» забрал 229 французских военных, перевез их на стоявший в ожидании транспорт и вернулся, чтобы забрать еще войска. Немцы, которые были в курсе всех передвижений британского флота, потому что могли дешифровать и читать сообщения, передававшиеся от корабля к кораблю, непрерывно бомбардировали эвакуировавшиеся соединения с воздуха. Бомба попала во французский эсминец «Бизон», и он взорвался. В британский эсминец «Африди», который торопился на помощь к выжившим, тоже пришлось два попадания, и в конце концов он перевернулся и затонул. Более удачливый «Келли» сбил по меньшей

мере один германский пикирующий бомбардировщик. «Ну и вечеринка, – прокомментировал Маунтбеттен, – но нам повезло, что она не оказалась еще хуже».

Пока германские войска готовились начать боевые действия на Западе, разыгрывался последний акт северной драмы. 4 мая 1940 г. польский эсминец «Гром» был поражен немецкими бомбами и разломился надвое; погибли пятьдесят пять польских моряков. Пока британские корабли шли на помощь, с берега немецкие пулеметчики открыли огонь по барахтавшимся в воде раненым. Людей спас старый британский линкор «Резолюшн». Когда они оказались на борту, его оркестр заиграл польский гимн «Еще Польша не погибла». Один из спасенных поляков позднее вспоминал: «Глаза наши были влажны, но в сердцах билось новое сильное чувство – надежда на жизнь».

Как и в ноябре предыдущего года, плохая погода привела к нескольким непродолжительным отсрочкам операции «Гельб», которые продлились, впрочем, до 8 мая. Как и раньше, полковник Остер передавал нидерландскому военному атташе в Берлине полковнику Сасу новости о запланированном нападении, равно как и детали каждой из отсрочек. Среди тех, кто противился атаке на Западе, был генерал Бек; при поддержке полковника Остера он дал указание адвокату-католику доктору Йозефу Мюллеру якобы в связи с секретным поручением поехать в Рим, чтобы предупредить о намерениях Гитлера Ватикан, а через него и союзников. С согласия папы римского сведения, сообщенные доктором Мюллером, передали закодированным радиосообщением папским нунциям в Брюссель и Гаагу. Эти сообщения были прослушаны и расшифрованы германскими службами радиоконтроля. Канарису тут же было приказано найти источник утечки, которым на самом деле был он сам. Приняв граничащее с гениальностью решение, Канарис приказал доктору Мюллеру, который только что вернулся из Рима, вновь ехать туда, чтобы узнать, как могли просочиться сведения о дате наступления. Гитлер, который не знал, что предателем был его шеф разведки, продолжал осуществлять свои планы. Даже предварительное сообщение не могло помочь снизить эффект избранного им сокрушительного удара. 7 мая Гитлеру показали две расшифрованные телеграммы, только что отправленные бельгийским послом в Ватикане в Брюссель. Он не изменил свои намерения. Ему и не следовало этого делать. 8 мая сводка британской разведки, подготовленная Военным министерством в Лондоне, сообщала, что до сих пор «нет признаков» неизбежности вторжения в Бельгию и Францию, хотя «в ближайшем будущем» возможны какие-либо действия. Дислокация германских войск, предупреждала сводка, позволяет направить их против Голландии «в любой момент с минимальной заметностью».

У побережья Нидерландов работали германские минные заградители; они устанавливали мины, которые должны были удержать Британию от любых морских действий в поддержку этой страны. 9 мая эсминец «Келли», переведенный из Норвегии, входил в эскадру британских военных кораблей, которые искали минные заградители противника. Он был атакован немецкой субмариной, поврежден, но не затонул. Погибли 27 человек из его команды. Его капитан лорд Луис Маунтбеттен провел корабль домой через Северное море, чтобы вновь выйти сражаться.

Ранним утром 9 мая 1940 г., получив благоприятные метеорологические сводки, Гитлер назначил на 10 мая наступление на запад. Все благоприятствовало такому расширению войны. За два дня до этого в Лондоне Министерство военно-воздушных сил информировало кабинет, что, учитывая вероятный размах военно-воздушных операций над Францией, британских запасов нефти и авиационного топлива «хватит только на десять-одиннадцать недель». Весь день 9 мая высшие командиры Гитлера изучали множество ценных разведывательных сведений, частично полученных из документов британской армии, захваченных в Норвегии. Оттуда нацисты узнали боевой состав и дислокацию британских войск во Франции. Дополнительные детали были получены из расшифрованных радиосообщений, которые передавались

между французскими Военным министерством в Париже и войсками, расположенными вдоль границы. Из этих сообщений, которые перехватывались по радио и вскоре декодировались, германское верховное командование выяснило диспозицию и характеристики союзнических войск, которым предстояло против них сражаться: размер каждого соединения; план пересечения реки Диль, когда Германия начнет нападение; и тот факт, что французы не планировали начать действенную контратаку во фланг главного направления германского наступления.

Днем 9 мая Гитлер уехал из Берлина. Чтобы сохранить строгую секретность, даже среди штаба распустили слух, что он едет в Осло. Вечером, когда его личный поезд достиг Ганновера, командирам войск было отправлено кодовое слово «Данциг», по получении которого должно было состояться нападение на Голландию, Бельгию и Францию. Поезд Гитлера продолжил путь на запад. Незадолго перед рассветом 10 мая он пересек Рейн и приехал в Ойскирхен, небольшой немецкий городок менее чем в 48 километрах от бельгийской границы. Час спустя началось честолюбивое, рискованное и дерзкое наступление.

5

Наступление Германии на Западе

МАЙ 1940 г.

На рассвете 10 мая 1940 г. немецкие силы вторглись в Бельгию и Голландию. 136 немецким дивизиям противостояло вдвое меньшее количество войск союзников. Так как ранее Бельгия настаивала на строгом нейтралитете, первым делом французам и британцам пришлось перейти через французскую границу и двинуться по бельгийской территории к линии по реке Диль. Пока союзники шли вперед, 2500 германских самолетов атаковали аэродромы в Бельгии, Голландии, Франции и Люксембурге, уничтожив множество самолетов на земле. 16 000 германских парашютистов под командованием генерала Курта Штудента, передовой отряд германского наступления на Западе, десантировались в Роттердаме, Лейдене и Гааге. Сто немцев, на рассвете тихо приземлившись на планерах, захватили бельгийские мосты через Альберт-канал.

Над Альберт-каналом господствовала бельгийская крепость Эбен-Эмаэль. Специальная группа германских парашютистов отрабатывала ее захват шесть месяцев. Пятьдесят пять человек приземлились в крепости в самом начале немецкого наступления, но бельгийские защитники, опираясь на значительный арсенал, держались под мощными взрывами и обстрелами весь день 10 мая.

В семь часов утра в Лондоне получили призыв о помощи от правительств Нидерландов и Бельгии. Британское правительство тут же приказало сбросить мины в Рейн; это решение было принято более чем за месяц до этого, но из-за внезапного норвежского кризиса оно так и не было осуществлено. Спустя час в Лондоне узнали, что немецкие самолеты сбросили мины в Шельду; германские войска вошли в Люксембург; бомбардировке подвергся французский город Нант, погибли 16 гражданских лиц.

Тем утром британское правительство отдало приказ об осуществлении операции XD – уничтожении нидерландских и бельгийских портовых сооружений в устье Шельды на тот случай, если немцы зайдут так далеко. Вскоре после четырех часов дня Гитлеру сообщили, что 4-я танковая дивизия вермахта пересекла Маас. Полчаса спустя в Лондоне Невилл Чемберлен объявил своему кабинету, что в новой экстренной обстановке необходимо создание коалиционного правительства, и привлек к военному руководству оппозиционные Лейбористскую и Либеральную партии. Лидеры Лейбористской партии отказались работать под его началом; для них он был главным виновником неготовности Британии, хотя они сами и голосовали против воинского призыва в апреле 1939 г.

Когда Лейбористская партия отказалась работать под руководством Чемберлена, ему не оставалось ничего иного, кроме как подать в отставку. На пост премьер-министра пришел Уинстон Черчилль, главный критик довоенной политики и человек, которому, как полагали лидеры Лейбористской партии, хватит воли и способностей энергично и усердно руководить войной. Черчилль сформировал новое правительство, в котором были представлены члены всех политических партий; Черчилль стал одновременно министром обороны и премьер-министром, а сверх того был главой особого Комитета обороны, в котором состояли начальники штабов. В задачу комитета входило ежедневное, а при необходимости ежечасное принятие стратегических решений.

Рональд Картленд, один из нескольких членов парламента от Консервативной партии, которые служили тогда на Западном фронте, радовался новостям из Лондона. «Уинстон, наша надежда, он еще может спасти цивилизацию!» – прокомментировал он известия в письме домой. Часть самого Картленда в тот день двинулась в Бельгию. «Толпы беженцев, – писал

он. – Я переживаю за бельгийцев второй раз за двадцать пять лет, но они очень храбры и полны решимости».

Несмотря на храбрость, превосходство германской огневой мощи было подавляющим; незадолго до полудня 11 мая сдались защитники крепости Эбен-Эмаэль. Погибли двадцать три из семисот оборонявшихся. Из пятидесяти пяти нападавших немцев пали шестеро. Гитлер, которого буквально распирало от удовольствия при известии о захвате крепости, лично награждал всех оставшихся в живых парашютистов Железными крестами. Первый Железный крест кампании, однако, был выдан офицеру СС, капитану полка «Лейбштандарт» Крассу, который с небольшим разведывательным отрядом утром 11 мая пересек реку Эйссел в Нидерландах, зашел вглубь нидерландской территории на 40 километров и привел назад сотню голландских солдат, которых он и его соединение захватили во время вторжения.

В городе Дорн с 1919 г. жил в ссылке германский кайзер; правительство Нидерландов отказалось экстрадировать его в Великобританию, где его собирались судить как военного преступника. Теперь одним из первых решений правительства Черчилля стал запрос бывшему кайзеру с вопросом, не желает ли он перебраться в Британию, чтобы спастись от нацистов. Тот отказался; через несколько часов Дорн был захвачен.

Союзники получали новости об успехах немцев не только от Голландии и Бельгии. Утром 11 мая в Лондоне узнали, что немецкие самолеты подвергли жестокой бомбардировке союзническую базу в норвежском Харстаде, к северу от Нарвика. В то же самое время германские войска, пользуясь советско-германским пактом, двигались по железной дороге от Ленинграда к Мурманску, чтобы взять Северную Норвегию в клещи. В первый день пребывания Черчилля на посту премьер-министра инстинкт советовал ему передвинуть войска из Харстада на юг, в Мушээн, где еще держался небольшой британский гарнизон; но начальники штабов уверяли, что, учитывая «борьбу не на жизнь, а на смерть на Западном фронте», сил на то, чтобы удержать Мушээн или Будё, не хватит – как и на то, чтобы сохранить Нарвик, расположенный за полярным кругом, куда Черчилль также хотел привести подкрепление. Как часто случалось и далее в ходе войны, предложения Черчилля встретили сильное сопротивление со стороны начальников штабов и были отвергнуты. Британский премьер-министр, в отличие от Гитлера, не мог руководить вопреки своим главным стратегическим советникам. Он мог, однако, с большой энергичностью отстаивать свои рекомендации и настаивать на их скорейшем исполнении; в его первый день на посту премьера британские войска оккупировали находившуюся в зависимости от Дании Исландию, важную стратегическую базу, которая так и не досталась немцам, ставшим хозяевами Дании. Теперь требовалось как можно скорее создать в Исландии военно-морские и воздушные базы.

На Западном фронте германские военачальники 11 мая соревновались друг с другом в том, как далеко они смогут продвинуться. «Пока все прекрасно, – написал жене в тот день командующий 7-й танковой дивизией генерал Роммель и добавил: – Я сильно опережаю моих соседей». 12 мая после стомильного марша германская 18-я армия соединилась в Голландии с парашютистами, заброшенными туда за два дня до этого. В тот вечер британскому кабинету доложили, что за два дня боев потеряны 76 британских самолетов.

Германское вторжение в Западной Европе в мае 1940 г.

13 мая войска Роммеля, наступавшие в Бельгии, пересекли Маас у Динана. В тот же день южнее войска генерала Гудериана пробились через Арденнский лес и пересекли Маас у Седана: впервые серьезные силы немцев пересекли французскую границу. Тем утром короля Георга VI разбудил в Букингемском дворце в пять часов утра полицейский сержант, который сообщил, что с ним хочет поговорить нидерландская королева Вильгельмина. «Я ему не поверил, — записал король в дневнике, — но подошел к телефону, и это была она. Она умоляла меня отправить самолеты на защиту Голландии. Я передал это сообщение всем соответствующим лицам и вернулся в кровать». Король заметил: «Нечасто кто-то звонит в такой час, особенно королева. Но в эти дни может случиться что угодно, и бывают вещи куда хуже».

Королева Вильгельмина, получив предупреждение, что немцы могут похитить ее, чтобы удерживать в заложниках, бежала из Гааги в Роттердам, где взошла на борт британского эсминца «Херевард». Она намеревалась прибыть к своим вооруженным силам, которые продолжали сопротивляться в Зеландии. Однако сильные немецкие бомбардировки не дали ей высадиться; тогда она переплыла Северное море в направлении Хариджа, собираясь еще раз просить помощи британской авиации. Однако когда она оказалась в Харидже, стало ясно, что положение в Голландии безнадежно. Тем вечером она встретила с королем Георгом VI на лондонском вокзале Ливерпуль-стрит. «Прежде я с ней не встречался, — записал король в днев-

нике. – Она рассказала мне, что, отплывая из Гааги, она не имела намерения покидать Голландию, но волей обстоятельств оказалась здесь. Она была крайне расстроена».

В тот же день Черчилль встретился с членами нового правительства: «Мне нечего вам предложить, кроме крови, труда, слез и пота». Через несколько часов он повторил эти слова в палате общин, сказав ее членам: «Вы спросите: какова наша политика? Я скажу. Вести войну на море, на суше и в воздухе со всей нашей мощью и всеми силами, которые может дать нам Господь; вести войну против чудовищной тирании, которую ничто не превзойдет в мрачном, прискорбном перечне человеческих преступлений. Вот наша политика». О возможных целях Британии Черчилль говорил столь же выразительно. «Победа, победа любой ценой, победа вопреки ужасу, победа, каким бы долгим и тяжелым ни был к ней путь; без победы мы не выживем».

Тем вечером на заседании правительства Черчилль узнал, что, в то время как по расчетам военно-воздушного штаба для «адекватной обороны» Британии требовались шестьдесят истребительных эскадрилий, их было всего тридцать одна. Области, где союзники обладали инициативой, были немногочисленными. Той ночью в Рейн были сброшены несколько сотен авиационных мин, которые прервали движение немецких барж близ Карлсруэ и Майнца. За этот подвиг летчикам вручены два креста «За выдающиеся заслуги» и семнадцать одноименных медалей. В Норвегии, еще дальше от места решающего сражения, французские войска под командованием генерала Бетуара высадились близ крошечной рыбацкой деревушки Бьерквик, в 48 километрах по дороге от Нарвика. «Надеюсь, вы в порядке прибудете в Нарвик как можно скорее, – телеграфировал 14 мая Черчилль британскому командиру Уильяму Бойлю, лорду Корку, – и затем двинетесь на юг с возросшими силами». Это было гиблое дело; однако после того, как французский Иностранный легион 15 мая захватил Бьерквик, взяв семьдесят пленных, Черчилль отказывался отбросить эту надежду.

14 мая, столкнувшись с неожиданно сильным сопротивлением со стороны Нидерландов, Гитлер включил в директиву на тот день приказ прорвать голландскую оборону. «Это сопротивление следует сломить быстро», – указывалось в приказе. Немецкие самолеты тут же были переброшены с бельгийской границы, чтобы «обеспечить быстрое взятие крепости Голландия». Их целью были мосты через реку Маас в Роттердаме. Много бомб не попали в цель и упали на центр города; погибли 814 нидерландских гражданских лиц. Слухи и пропаганда союзников быстро увеличили их число до 25 000 и даже 30 000 человек. Реальность была весьма жестокой. Слухи лишь усиливали страх жителей Франции и Бельгии, которые еще не испытали бомбардировок.

В полдень тяжелые вести достигли военного руководства союзников. Немцы значительно укрепили свой плацдарм, ранее созданный Гудерианом. Теперь, в условиях, когда значительные силы британцев и французов оказались скованными в Бельгии, они могли использовать его как оперативную базу для обхода союзнических армий и движения широким полукругом через Арденны к портам Ла-Манша. Таким и был план Гитлера. «До сих пор ход наступления, – отмечал он в директиве № 11, выпущенной в тот день, 14 мая, – показывает, что противнику не удалось вовремя уловить основополагающую идею наших операций».

Серьезно встревоженное французское верховное командование попросило британцев о максимально возможной воздушной поддержке в секторе Седана. Она была предоставлена без промедления. В целом в южный сектор был отправлен 71 британский бомбардировщик. Атакуя волнами германские понтонные переправы и военные колонны, они оказались жестоко потрепаны как немецкими истребителями, так и зенитной артиллерией. К сумеркам из 71 британского бомбардировщика были потеряны 40. Один из сбитых пилотов, лейтенант Паркинсон, сумел пересечь фронтальную линию, но получил тяжелое ранение. Позднее, спасаясь из Франции, он вновь управлял самолетом; его опять сбили в операции по доставке боеприпасов французскому Сопротивлению. На этот раз он погиб.

Провалу попытки британских бомбардировщиков остановить продвижение вермахта через Седан сопутствовала неудачная оборона французскими войсками их позиций. Начался прорыв Гитлера через линии союзников; через месяц нацисты отрезали британские экспедиционные силы от основного сражения и открыли Париж для быстрой атаки. Британцам и французам 14 мая еще предстояло эвакуировать свои силы из Норвегии. В этот день британская база в Харстаде была атакована зажигательными бомбами; погибли два корабля союзников. Третий корабль, польский лайнер «Хробрый», принимал на борт батальон Ирландского гвардейского полка к югу от Будё, когда оказался под атакой; двадцать военнослужащих, включая командира и всех старших офицеров батальона, были убиты.

Некоторые хорошие вести достигли союзников 14 мая, когда Артур Первис, глава англо-французской закупочной миссии в Вашингтоне, сообщил, что из ста строившихся тогда в Соединенных Штатах боевых самолетов Британии будет позволено приобрести 81; из 524 самолетов, заказанных для строительства, 324 должны были быть готовы «в течение двух или трех месяцев».

Направление такого количества самолетов Британии, объяснял Первис, представляло собой «настоящую жертву служб Соединенных Штатов, так как из-за этого много эскадрилий не получают пополнение современными самолетами». Это решение, жизненно важное для Британии, по крайней мере в долгосрочной перспективе, Первис объяснял «доброй волей» Рузвельта и одного из его секретарей Казначейства, Генри Моргентау, который даже «взволнованно уверял», что новые заказы, сделанные в рамках усиления ВВС самих США, не будут мешать исполнению имевшихся заказов Британии.

Эти выгоды были не только долгосрочными, но и секретными. 14 мая источником почти всех опасений союзников были Нидерланды и Арденны. В Голландии парашютисты генерала Штудента вошли в Роттердам и вели переговоры о сдаче города. Сам Штудент, когда переговоры еще не кончились, взирал на разоружение большого числа нидерландских солдат. Войска СС, прибывшие в это время и увидевшие множество вооруженных голландцев, открыли огонь. Сам Штудент был ранен в голову. Если бы не навыки нидерландского хирурга, который оперировал его всю ночь, он бы почти наверняка умер.

Теперь французы запаниковали. Вскоре после семи часов утра 15 мая Поль Рейно позвонил Уинстону Черчиллю, чтобы сказать, что французская контратака у Седана провалилась, «дорога на Париж открыта» и «схватка проиграна». Рейно дошел до того, что заговорил о «прекращении борьбы». Черчилль изо всех сил пытался успокоить французского премьера. Он сказал, что не следует доверять «паническим» сообщениям. Сам Черчилль не питал иллюзий относительно тяжести положения. «Маленькие страны, – телеграфировал он Рузвельту 15 мая, – попросту сломлены, одна за другой, как спички». Что касается Британии, добавил Черчилль, «мы ожидаем, что в ближайшем будущем будем атакованы здесь как с воздуха, так и десантными войсками, и готовимся к этому».

Вера в успех Черчилля чувствовалась и в британских войсках во Франции. Рональд Карленд в письме к матери от 15 мая, незадолго до того, как его часть отошла от линии на Шельде, демонстрирует боевое, хоть и мрачное настроение: «В конце концов мы победим, но здесь над всеми нами господствуют ужас и тревога. Мы не можем от них скрыться». На юге, где Роммель пересек Маас, у деревни Дене французские танки предприняли отчаянную попытку остановить натиск немцев. После того как один за другим они вышли из строя, немцы обрушили на французов непрерывный огненный вал. Командир роты капитан Жильбер погиб вместе с большей частью своего экипажа от пулеметного огня, пытаясь выбраться из горящего танка. К ночи погибли 65 французских танков и 24 военных. Они дорого отдали свои жизни, уничтожив по меньшей мере тридцать танков Роммеля. Один из французских ротных командиров, капитан Жак Леу, погибший при взрыве его танка, был посмертно удостоен звания рыцаря Почет-

ного легиона. Его главный противник в том бою, майор Фридрих Фильцингер, был награжден Рыцарским крестом; Гитлер лично вручил ему награду спустя три недели.

Вечером 15 мая британские войска продолжали высадку в нидерландском порту Эймёйден в предпринятой в последнюю минуту попытке поддержать голландское сопротивление. Когда они высаживались, к порту из Амстердама приехали шесть автобусов. В них было двести евреев, в основном детей; в порт их привезла голландка Гертруда Вайсмюллер. Многие ее подопечные были детьми немецких евреев, которым удалось скрыться в Нидерландах до начала войны. Теперь они снова бежали от нацистов. «В семь часов мы отплыли, – вспоминал позднее один мальчик, Гарри Якоби. – Отдалившись от берега, мы посмотрели назад и увидели огромный столб черного дыма от нефтяного хранилища, подожженного, чтобы оно не досталось немцам. В 9 часов корабельное радио сообщило новость о капитуляции голландцев». В Британии дети оказались в безопасности.

Теперь Гитлер стал правителем еще одного европейского государства. Бабушки и дедушки Гарри Якоби, оставшиеся в Голландии, стали одними из десятков тысяч жертв нацизма среди нидерландских евреев. Той ночью, впервые с того момента, как вермахт ударил на Западе пятью днями ранее, британские бомбардировщики атаковали промышленные цели в Руре. На задание отправили 78 бомбардировщиков. Все вернулись в целости, хотя 16 и не смогли найти свои цели. 24 ударили по нефтехранилищам, часть которых, как видели пилоты при возвращении домой, ярко пылали.

Поскольку поставки в Британию собранных и готовых к полету самолетов нарушали нейтральный статус США, Рузвельт лично предложил ночью 15 мая способ обойти сохраняющиеся положения Акта о нейтралитете. Он состоял в том, чтобы самолеты долетали до американской границы с Канадой, затем их «толкали» на ту сторону, поднимали в воздух и транспортировали до Ньюфаундленда, где их можно было грузить на корабль. «Нам известно, – сообщал Первис в Лондон, – что этот способ законен и осуществим».

Весь день 16 мая наступление немцев продолжалось; Роммель проник вглубь французской территории на 80 километров в направлении Камбре, а Гудериан достиг пункта в 96 километрах к востоку от Седана. В тот же день генерал Морис Гюстав Гамелен приказал французским силам отойти из Бельгии. Черчилль по пути в Париж отдал распоряжение о немедленном исполнении операции XD. В Антверпене в рамках этой схемы уничтожения ресурсов и инфраструктуры два британских офицера, лейтенанты Кадзоу и Уэллс, вылили 150 000 тонн горючего в Шельду.

Достигнув Парижа, Черчилль потребовал, чтобы войска союзников заняли линию Антверпен – Намюр. «Мы потеряли Намюр», – ответил ему Рейно. Затем французы под началом Гамелена начали просить отправки во Францию шести истребительных эскадрилий в дополнение к четырем, которые уже находились там, и еще четырем, направить которые согласился тем утром кабинет в Лондоне. Однако Черчилль указал, что воздушная оборона самой Британии находится в рискованном положении; у нее в распоряжении было только 39 эскадрилий, четыре из которых размещались во Франции. Настоятельность требования французов заставила Черчилля изложить его в телеграмме кабинету. «С исторической точки зрения может оказаться неправильным, – предупреждал Черчилль, – если их просьбы не будут удовлетворены, и французы будут уничтожены». Кроме того, нельзя недооценивать «возрастающую сложность» продвижения для немцев, «если они встретят мощную контратаку».

Той ночью британское правительство согласилось, что еще три британские эскадрильи, базировавшиеся в Британии, будут «работать во Франции от рассвета до полудня», после чего их будут сменять «до заката» три другие эскадрильи. Это, по крайней мере, избавит их от опасности подвергнуться атаке на французских аэродромах.

В Париже страхи относительно неизбежного германского прорыва привели к панике. На газоне Министерства иностранных дел сжигали связки официальных документов, кото-

рые выбрасывали из окон. Однако танки Гудериана наступали не на Париж. Вместо этого они повернули на северо-запад и к полудню 17 мая достигли реки Уазы близ Ориньи, в 15 километрах к востоку от Сен-Кантена. Их атаковали, но не могли остановить танки французской 4-й бронетанковой дивизии под командованием одного из пионеров танковой войны, полковника Шарля де Голля. В качестве признания его доблести в тот день его произвели в бригадные генералы.

На всех участках фронта успехи немцев превосходили их надежды. 17 мая солдаты 6-й армии генерала Вальтера фон Рейхенау вошли в Брюссель – пятую по счету столицу, занятую немецкими войсками за девять месяцев. Отступая из Брюсселя к берегам Ла-Манша, британская 3-я дивизия под командованием генерала Бернарда Монтгомери заняла позиции по линии реки Дандр. Кажется, сомнения витали только в штабе Гитлера. Генерал Гальдер записал в дневнике: «Безрадостный день. Фюрер ужасно нервничает. Он боится собственного успеха, не хочет ничем рисковать и охотнее всего задержал бы наше дальнейшее продвижение»¹¹.

Гитлер нервничал излишне. 18 мая танковые командиры продолжали движение с той же стремительностью, что и ранее: Роммель достиг Камбре, а Гудериан оккупировал Сен-Кантен. В Ле-Като-Камбрези немецкие войска захватили одного из высших военачальников Франции, генерала Жиро, вошедшего туда с остатками французской 9-й армии, – он не знал, что немцы оказались в городе за несколько часов до него. В течение дня перед вермахтом пал главный порт Бельгии – Антверпен. «Нет нужды говорить вам о тяжести этого события, – телеграфировал Черчилль Рузвельту. – Мы твердо намерены сопротивляться до самого конца, каким бы ни был исход великого сражения, разворачивающегося во Франции. В любом случае нам следует ожидать здесь скорого нападения по голландской модели, и мы надеемся, что не ударим в грязь лицом».

«Голландская модель» заключалась в использовании парашютистов для захвата жизненно важных пунктов. 18 мая Черчилль и начальники штабов рассмотрели возможность наиболее скорой морской переброски войск из самой Палестины и даже Индии, которые должны были защитить Британию от «большого числа» немецких войск, которые могли десантироваться с транспортных самолетов «после парашютистов».

В Париже, охваченном страхами перед диверсиями, новый министр внутренних дел Жорж Мандель начал 18 мая массивную облаву на подозрительных лиц. «На улицах было произведено много арестов, – вспоминал в конце месяца один канадский бизнесмен. – Дорожное движение строго контролировалось. Полицейские с примкнутыми штыками останавливали прохожих и спрашивали у них документы».

По мере продолжения сражения боевой дух британцев укреплялся верой в эффективность налетов бомбардировщиков на Рур, начавшихся 15 мая и продолжавшихся на протяжении трех последующих ночей. Впрочем, когда 19 мая американский журналист Уильям Ширер проехал через Рур, он отметил «очень небольшой ущерб». Что касается населения, на настроения которого налеты, по словам Британской радиовещательной корпорации, оказали «ужасающее воздействие», Ширер обнаружил, что местные жители, «особенно женщины, стояли на мостах, по которым проходили главные дороги, и приветствовали войска, идущие в Бельгию и Францию». Единственным следом британских ВВС, обнаруженным Ширером в тот день, был большой британский бомбардировщик близ Ганновера, который «лежал разбитым в поле в сотне ярдов от автобана».

В тот день во Франции впервые вступила в бой дивизия СС «Мертвая голова», которой поручили помочь 7-й танковой дивизии генерала Роммеля близ Камбре. Ей противостоя-

¹¹ Здесь и далее цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. М.: Воениздат, 1968–1971 / Сокр. пер. с нем. А. Артемова, И. Глаголева и Л. Киселева под ред. и с пред. полковника В. Дашичева. Т. I. От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 г. – 30.6.1940 г.) М.: Воениздат, 1968. С. 405.

яли французские марокканские войска, которые упорно обороняли несколько небольших деревень. Войска СС сражались с такой же яростью и убили 200 марокканцев ценой гибели всего 16 эсэсовцев. Тем вечером Черчилль впервые обратился к народу по радио в должности премьер-министра. «Это, – сказал он, – один из самых страшных периодов долгой истории Франции и Британии. И без сомнения, период самый возвышенный». Британский и французский народы плечом к плечу «двинулись на спасение не только Европы, но и всего человечества от самой отвратительной и губительной для душ тирании, которая когда-либо омрачала и пятнала страницы истории». За армиями и флотами Британии и Франции собралась «группа разбитых государств и измученных рас: чехи, поляки, норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы – на всех них опустилась долгая ночь варварства, которую не осветит ни одна звезда надежды, если мы не победим, как и должны; как мы и сделаем».

В тот момент было неясно, как могут победить Британия и Франция. Казалось, вот-вот падут они, а не Германия. Тем утром, пока наступление немцев угрожало вбить клин между британскими и французскими силами к северу и югу от реки Соммы, Черчилль приказал британскому Адмиралтейству собрать «большое количество кораблей» в боевой готовности, чтобы плыть «в порты и бухты французского побережья». Теперь ясно, пояснил он Адмиралтейству, что эти планы следует выполнять немедленно на тот случай, если станет необходимо «отвести британские экспедиционные силы из Франции». В тот же день были составлены планы о создании «мобильных колонн» для укрепления защиты аэропортов на случай германского парашютного десанта в Британии. Даже Лондон теперь ощутил себя возможной жертвой такой вылазки. 20 мая Черчилль согласовал схему установки постов с пулеметами Брена и колючей проволокой от попыток немцев захватить центральную часть столицы и для защиты правительственных служб на улице Уайтхолл и дома 10 по Даунинг-стрит.

Той ночью германские бронетанковые колонны, достигнув Амьена, продолжили движение вперед к Абвилю, отрезав британские экспедиционные силы от их баз снабжения в Западной Франции и основной французской армии. Сотни тысяч британских, французских и бельгийских солдат попали в ловушку и оказались прижаты к морю. Гитлер был в восторге. Генерал Йодль, который присутствовал при этом, заметил, что Гитлер «высказывает высокую оценку германской армии и ее руководству. Занимается мирным договором, который выразит основную идею – возвращение земель, украденных за последние четыре столетия у немецкого народа...». Гитлер хотел отплатить французам за условия мира, навязанного Германии в 1918 г., проведя собственные переговоры в том же самом месте в Компьенском лесу. Что касается британцев, они «могут получить свой мир, как только вернут нам наши колонии».

Гитлер в своем ликовании уже обдумывал условия мира, но к западу от Компьена продолжались кровавые военные будни. Вечером близ Бове два немецких пилота были сбиты над местом, где самолеты люфтваффе поливали пулеметным огнем французских и бельгийских беженцев, пытавшихся уйти на юг. Оба они не имели оружия и стояли на обочине, окруженные толпой гражданских лиц, когда к ним подошел французский солдат, достал пистолет и выстрелил одному из немцев в голову, убив его на месте. Погибшим пилотом был двадцатитрехлетний сержант Вильгельм Росс; его закопали у обочины, и он стал одним из 1597 немцев, «погибших в бою» в ту неделю в Западной Франции.

26 мая от ран, полученных в бою, умер принц Вильгельм фон Гогенцоллерн (Вильгельм Прусский), внук бывшего кайзера и возможный наследник престола Германской империи. Сам бывший кайзер Вильгельм, с 1918 г. находившийся в изгнании в Голландии, там и остался, отказавшись 10 мая от предложения Черчилля перебраться в Британию; место его проживания, Дорн, сначала захватили, а потом взяли под стражу наследники тех самых армий, которые он бросил в 1914 г. против Франции и Бельгии.

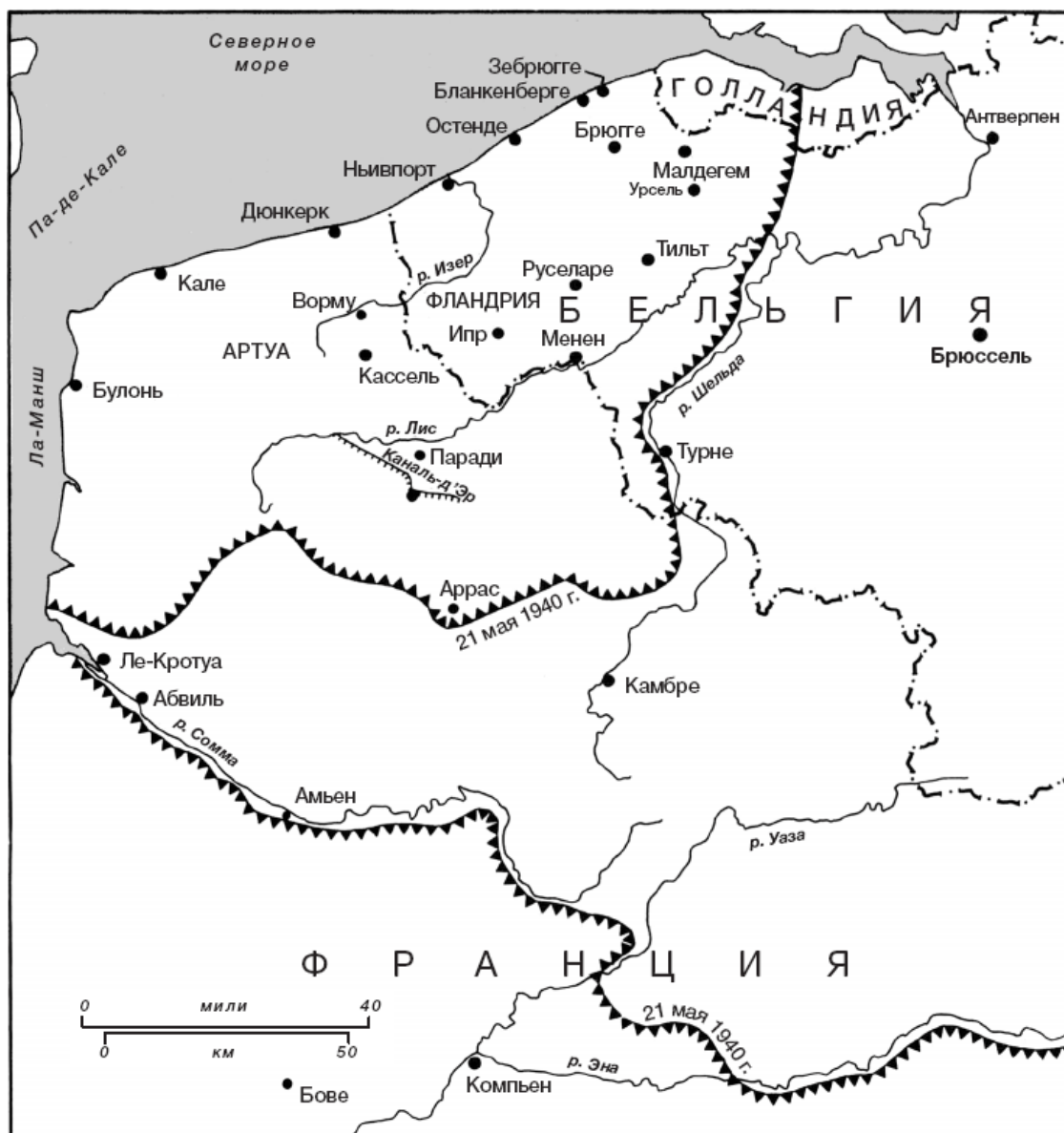
21 мая немецкие войска достигли Ле-Кротуа, небольшого приморского курорта на побережье Ла-Манша в устье реки Соммы. С их прибытием в Ле-Кротуа союзнические армии во

Франции оказались разделены на две части. Теперь гитлеровские силы могли оттеснить британские войска к Северному морю и разгромить их. Эта опасность привела в тот же день к контратаке британцев у Арраса силами 58 танков под командованием генерала Жиффара ле Квесн Мартеля, которая едва не вызвала панику в 7-й танковой дивизии Роммеля. Погибли 89 его подчиненных – в четыре раза больше, чем за все время его прорыва во Франции. Дивизия СС «Мертвая голова», снова отправленная на помощь Роммелю, вывела из строя 22 танка, но и сама потеряла 39 человек. Лишь прибытие немецких пикирующих бомбардировщиков предотвратило дальнейшие потери.

Впервые за одиннадцать дней боев германские войска оказались оттеснены назад; и не только войска, но и заветные танки, на которые возлагалось столько надежд. Гитлер, беспокоясь, как бы танки не пострадали еще сильнее, и опасаясь, что британцы во Франции будут сражаться до последнего человека, приказал остановить наступление на порты Ла-Манша.

На Востоке война против душевнобольных приняла новые обороты 21 мая, когда в Зольдау в Восточной Пруссии отправилась айнзацгруппа, которой было поручено убить более 1500 психических больных, свезенных туда из госпиталей всей Восточной Пруссии. Убийства продолжались 18 дней; когда они закончились, айнзацгруппа рапортовала в Берлин, что душевнобольные «успешно эвакуированы».

На Западном фронте британцы и французы планировали контратаку, которая должна была соединить их силы по обе стороны германского клина. Генерал Максим Вейган, которому принадлежал этот план, обещал атаковать немцев с юга. Той ночью в Британии были арестованы глава Британского союза фашистов Освальд Мосли и тридцать пять ведущих деятелей этой организации; через неделю к ним присоединились 346 их сторонников.

Дюнкерк, май 1940 г.

22 мая стало днем важного и даже драматического поворота в способности Британии читать некоторые наиболее секретные германские сообщения, ибо шифровальщики Блетчли-парка взломали ключ германской «Энигмы», который чаще всего использовался люфтваффе. С этой поры британская разведка смогла ежедневно читать каждое сообщение германских ВВС, посланное из штаба на фронт и с фронта – в штаб. Одними из наиболее ценных были сообщения, посылаемые связистами люфтваффе вермахту: они много говорили о позициях и намерениях германских боевых частей, разворачивавшихся в сторону моря.

«Поток оперативных разведданных, – пишут официальные историки британской разведки, – дешифровался, переводился, правился и интерпретировался» в объеме тысячи сообщений за день. Затем их передавали телетайпом или курьером на Уайтхолл. В то же время, начиная с 24 мая, самые важные сообщения передавались из Блетчли напрямую в штабы британских экспедиционных и военно-воздушных сил. Чтобы не дать немцам понять, что их самый секретный метод коммуникации взломан, использовался специальный шифр, который отправлялся по особым каналам связи через мобильное подразделение британской развед-

службы, которое помогало главнокомандующим с интерпретацией данных и советовало, как их можно применить.

Взлом «Энигмы» дал британским военачальникам, тогда находившимся в самом стесненном положении, ценный источник сведений о действиях и намерениях люфтваффе, а также о многих действиях и намерениях вермахта. Однако исследователям в Блетчли потребовалось некоторое время, чтобы решить множество проблем. «Помимо своего огромного количества, – сообщают историки «Энигмы», – тексты изобиловали непонятными деталями – аббревиатурами соединений и вооружений, указаниями по карте и координатам, закодированными топонимами и личными именами, формами, служебным жаргоном и другими загадочными отсылками», не говоря уже о трудностях, которые порой создавали неверный прием или неточная передача в условиях жаркого боя. Особенности трудности для расшифровки в мае 1940 г. создавало то, что штаб люфтваффе в инструкциях и германские боевые командиры в донесениях часто пользовались координатами карт серии британского Генерального штаба в масштабе 1:50 000, которые давно были сняты с эксплуатации в британской армии. Не имея возможности получить набор этих карт, шифровальщики Блетчли вынуждены были реконструировать их, основываясь на германских отсылках к ним, что представляло собой весьма трудоемкий процесс. Несмотря на эти сложности, сотрудники выдавали информацию, которая имела бы неоценимое значение, если бы не стремительное отступление британских войск.

Британские войска, сталкиваемые в море, избегали немедленных германских атак не в результате побед разведки, а потому что немцы, разделив союзнические армии, рассматривали соединения во Фландрии как второстепенную цель в сравнении с французской армией, дивизии которой откатывались к Парижу. Не знали немцы и сколько человек оказалось в ловушке у побережья; согласно их подсчетам, 23 мая здесь было всего 100 000 человек – четвертая часть истинного количества. Кроме того, у генерала, на которого возложили главную ответственность за наступление, Эвальда фон Клейста, за предыдущие две недели боев из строя было выведено почти 15 % транспорта, поэтому он благосклонно принял паузу, приказ о которой отдал Гитлер. Казалось, что британские войска не смогут эвакуироваться морем. Геринг уверял Гитлера, что люфтваффе сможет этому помешать, поэтому не было необходимости вести наступление крупными силами против войск, которые 21 мая показали, что и сами способны на энергичное и дорогостоящее контрнаступление. По этой причине 23 мая, в шесть часов вечера, генерал-полковник Герд фон Рундштедт по собственной инициативе приказал 4-й германской армии «завтра остановиться».

Британская армия, ничего не зная о приказе фон Рундштедта, все еще ожидала запланированной французской контратаки с юга. В десять часов вечера того же дня Черчилль встретился с королем в Букингемском дворце. «Он сказал мне, – записал король в дневнике, – что если французский план, разработанный Вейганом, не будет выполнен, то он отдаст распоряжение о возвращении БЭС [британских экспедиционных сил] в Англию. Эта операция подразумевала потерю всех пушек, танков, боеприпасов и складов во Франции». «Десять дней спустя, – писал своей матери 23 мая Рональд Картленд из британских экспедиционных сил, – мы вернулись в то самое место, откуда выступили. Странная война!»

«Что и говорить, весь день на марше», – писал генерал Роммель своей жене 24 мая. – Но, по моим оценкам, война будет выиграна через две недели». Гитлер при посещении штаба фон Рундштедта в тот же день предсказал, что война окончится через шесть недель. Тогда откроется путь к соглашению с Британией. Затем Гитлер и фон Рундштедт обсудили судьбу британских войск, попавших в ловушку на побережье Ла-Манша. Оба сошлись во мнении, что против окруженных частей следует использовать воздушные налеты. Фон Рундштедт предложил остановить свои танки, когда они достигнут пролива ниже Дюнкерка, чтобы сохранить бронетанковые войска для операций против французов. Гитлер согласился. Вскоре после полудня

был издан второй приказ об остановке, адресованный 4-й армии, – теперь уже от лица Гитлера. На некоторое время все атаки на котел вокруг Дюнкерка были «прекращены».

Следствием второго приказа остановиться стало то, что дивизии СС «Мертвая голова» пришлось немного отойти назад через Каналь-д'Эр, чтобы укрепить линию близ Бетюна. Британцы, заметив, что немцы отступают, открыли интенсивный артиллерийский огонь, убив 44 эсэсовца.

Когда позднее тем же вечером генерал Гальдер отправил фон Рундштедту разрешение атаковать Дюнкерк, тот отказался, сказав Гальдеру: «Сначала должны собраться воедино механизированные группы». «Вопреки всем ожиданиям, – заметил через несколько дней армейский адъютант Гитлера, – фюрер оставил решение в целом за фон Рундштедтом». Решение это заключалось только в кратковременной остановке для того, чтобы собраться с силами и дожидаться подкреплений. Целью немцев оставалась военная победа. «Следующая цель наших операций, – указал Гитлер в директиве № 13 от 24 мая, – уничтожить французские, английские и бельгийские силы, окруженные в Артуа и Фландрии, посредством концентрического наступления нашего северного фланга и быстрого захвата побережья Ла-Манша в этой области».

Когда прекратилось германское наступление, началось отступление британцев. 24 мая тысяча человек погрузились на корабли в Булони. Двести, однако, не смогли уйти до того, как следующим утром германские войска вошли в порт. Тут над морем у берегов Дюнкерка начались воздушные атаки, одобренные Гитлером. 24 мая был потоплен французский корабль «Шакал». Близ Кале, британский гарнизон которого оказался отрезан даже от Дюнкерка, во время бомбардировки германских позиций на берегу был уничтожен эсминец «Уэссекс» и тяжело поврежден польский эсминец «Бзура».

Теперь британское правительство начало разрабатывать план эвакуации своих войск из Дюнкерка. К востоку от Дюнкеркского полуострова, однако, немцам удалось вбить клин между британскими и бельгийскими силами, удерживавшими линию Менен – Ипр. «Солдаты! – призывал свои войска бельгийский король Леопольд III. – Великая битва, которую мы ждали, началась. Мы будем вести ее всеми своими силами и с величайшей энергией». Битва разворачивалась, добавил король, «на той же земле, на которой мы победоносно встретили захватчика в 1914 г.».

Бельгийские солдаты в ответ на призыв короля продолжили сопротивление, но их контратаки, цель которых заключалась в ликвидации прорыва, были отбиты, хотя и велись с большой энергией. К счастью для британцев, в германском штабном автомобиле, захваченном 25 мая, были документы, в которых содержались точные детали того, как немцы собирались использовать этот прорыв. В результате своевременного получения разведданных британский главнокомандующий лорд Горт смог направить в прорыв две дивизии, которые готовились для атаки в другом направлении. На самом деле это были те самые дивизии, которые должны были пробить путь на юг из германской ловушки в рамках британской части плана Вейгана. Кольцо, из которого можно было эвакуировать войска, можно было удержать, лишь отказавшись от, вероятно, ложной надежды на прорыв на юге. В тот же день, во исполнение беседы Гитлера с генералом фон Рундштедтом, люфтваффе бросило все доступные самолеты в атаку на портовые сооружения в Зебрюгге, Бланкенберге, Остенде, Нивпорте и Дюнкерке. Не зная, что главным портом эвакуации станет Дюнкерк, Геринг направил основной удар на Остенде.

25 мая, несмотря на приказ Гитлера остановиться, небольшая боевая группа дивизии СС «Мертвая голова» под командованием капитана Гаррера пересекла Каналь-д'Эр близ Бетюна, через который они отступили за день до этого. Заметив британского мотоциклиста, стремительно ехавшего в их направлении, один из эсэсовцев открыл огонь, сбив солдата с машины. Эсэсовцы подошли к нему: он, раненный в плечо, лежал в кювете. Подняв его на ноги, эсэсовцы

безуспешно попытались с ним поговорить. Когда британец не ответил, Гаррер достал пистолет и в упор выстрелил ему в голову.

6

Дюнкерк

МАЙ 1940 г.

26 мая 1940 г. Гитлер понял, что допустил ужасную ошибку, одоблив приказ об остановке 24 мая. До этого он не оценил должным образом приготовления британских экспедиционных сил к эвакуации. Тем утром, однако, германские разведывательные самолеты сообщили об обнаружении в гавани Дюнкерка тринадцати боевых и девяти транспортных кораблей. «Вероятно, – заключала германская военная разведка, – что началась погрузка британских экспедиционных сил на корабли». В час тридцать дня Гитлер вызвал главнокомандующего вермахтом и согласился, как заметил генерал Йодль, «продолжать наступление с запада силами бронетанковых групп и пехотных дивизий в направлении Турне – Кассель – Дюнкерк». Приказ был отдан по телефону из штаба Гитлера в половине четвертого дня. Через три с половиной часа, в семь вечера, радиосигнал, посланный из лондонского Адмиралтейства вице-адмиралу Бертраму Рамсею в Дувре, инструктировал его: «Начать операцию “Динамо”».

Кодовым именем «Динамо» обозначалась эвакуация как можно большего числа солдат из Дюнкерка. 26 мая ожидалось, что за два дня (как считалось, это максимально доступное время) можно будет забрать 45 000 человек. Как условились Гитлер и фон Рундштедт, люфтваффе всеми силами обрушилось на Дюнкерк, чтобы сделать эвакуацию невозможной. Однако пилоты истребительной авиации, среди которых были британцы, канадцы и поляки, с не меньшей решимостью были готовы очистить небо над побережьем, чтобы эвакуировать как можно большее количество войск. За девять дней эвакуации над берегом были сбиты 176 германских самолетов ценой потери 106 британских воздушных судов. Воздушное сражение помогло предотвратить катастрофу.

Успеху способствовали и британские войска, сражавшиеся в арьергардных боях вдоль дюнкеркского периметра, равно как и осажденные в Кале. Британские войска в Кале под командованием подполковника Клода Николсона втягивали немцев в напряженные бои. Чтобы забрать их, в Кале прибыли корабли. Но незадолго до полуночи 26 мая Николсон получил телеграмму из Военного министерства в Лондоне: «Эвакуация не (повторяю: не) состоится, суда, посланные с этой целью, вернутся в Дувр». Каждый час существования гарнизона в Кале, говорилось в сообщении, оказывал «величайшую помощь британским экспедиционным силам».

Ночью 26 мая президент Рузвельт по радио обратился к американскому Красному Кресту. «Сегодня, – сказал он, – по некогда мирным дорогам Бельгии и Франции движутся миллионы, они бегут от бомб, снарядов и пулеметных обстрелов почти без еды. Они бредут, не зная, где конец пути». Через несколько часов после речи Рузвельта бельгийская армия бросила в бой последние резервы, едва насчитывавшие три полка, но даже их упорство в бою не смогло уничтожить или хотя бы сократить разрыв между британскими и бельгийскими силами. Между Руселаре и Тильтом беззащитными оставались восемь километров фронта; севернее прорыв между Мальдегемом и Урселем открывал дорогу на Брюссель. «Вокруг нас сжимается огненное кольцо, – записал в дневнике 27 мая генерал Оскар Мишель. – Тысячи беженцев, смешавшись с местным населением, проносятся по узкой полоске земли, полностью открытой артиллерийским обстрелам и бомбардировкам. Наши последние средства к сопротивлению сломлены под тяжестью сокрушительного превосходства; мы более не можем ждать какой-либо помощи или иного выхода, кроме полного поражения».

На южном крае дюнкеркского периметра, в 80 километрах от самого порта, 27 мая разгорелся жестокий бой между дивизией СС «Мертвая голова» и британскими войсками. 99 военнослужащих Королевского Норфолкского полка удерживали здание фермы близ деревни

Паради, пока у них не закончились боеприпасы. Их командир, майор Лайсл Райдер, в последний раз запросил помощь артиллерии, но получил ответ, что свободных орудий нет. В коровнике, куда они отступили, голосованием было решено, что они должны сдаться. Британцы выставили белый флаг на ружье и стали выходить из здания, но были встречены внезапной пулеметной очередью. Через пять минут они опять решили сдаться; на этот раз немцы встали, триумфально крича и размахивая своими винтовками. Говоривший по-английски офицер приказал британцам перейти на соседнее поле по другую сторону маленькой сельской дороги и стать на колени. Затем им приказали вставать по пять, обыскивали и сбрасывали противогазы, каски и сигареты в кучу. Любого солдата, который отказывался выполнять приказы, избивали прикладами.

Пленников вывели на дорогу, где им пришлось некоторое время подождать, пока не проедут немецкие солдаты, державшие путь на запад. Тогда им приказали идти в поле, вдоль одного края которого тянулся длинный кирпичный амбар, перед которым находилась неглубокая яма. Когда голова колонны зашла в яму и поравнялась с дальним концом амбара, прозвучал приказ: «Огонь!» Как только стрельба прекратилась, немецким солдатам приказано было примкнуть штыки и идти вперед. Так они и сделали, заколов одних раненых и добив остальных из пистолетов. Затем был дан свисток, и германские солдаты выбрались из ямы. 97 британцев были мертвы. Невероятно, но двое – рядовой Альберт Пули и рядовой Уильям О'Каллаган, лежавшие среди трупов, – выжили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.